В объятиях страсти

Автор:
Лиза Клейпас

В объятиях страсти

Лиза Клейпас

Очарование (АСТ)Рейвенелы #2

«Вижу цель – не вижу препятствий» стало девизом Риза Уинтерборна с самого детства, и это принесло свои плоды: бедный мальчик из простой семьи вырос в одного из богатейших магнатов Великобритании. В мужчину железной воли, всегда получающего то, чего желает. А Риз еще никогда и ничего не желал так, как жениться на юной, прелестной аристократке Хелен, леди Рейвенел.

Снобистская семья Хелен не желает отдавать ее в жены простолюдину? Отлично: значит, он соблазнит девушку и поставит ее родных в обстоятельства, когда они будут поневоле вынуждены согласиться на свадьбу!

Риз начинает действовать. Ставки высоки, как никогда прежде: на кону не деньги, а его будущее счастье…

Лиза Клейпас

В объятиях страсти

© Lisa Kleypas, 2016

© Перевод. В. А. Суханова, 2021

© Издание на русском языке AST Publishers, 2022

* * *

Глава 1

– Мистер Уинтерборн, к вам дама.

Риз хмуро поднял глаза от лежавшей на столе стопки писем. На пороге кабинета стояла его секретарша, миссис Фернсби, опрятная полноватая женщина средних лет в круглых очках на пол-лица.

– Вы же знаете, что в такое время я никого не принимаю.

Первые полчаса своего рабочего дня Риз проводил в полном одиночестве за чтением почты. Это был утренний ритуал.

– Да, сэр, но посетительница – леди, и…

– Скажите, пусть придет позже.

Поджав губы, миссис Фернсби с неодобрительным видом удалилась. Каблуки ее туфель стучали по полу громко, словно выстрелы. Риз опять сосредоточил внимание на лежавшем перед ним письме. Потерять самообладание было для него роскошью, которую он редко себе позволял, но с недавних пор испытывал угрюмое уныние, отягощавшее каждую мысль и каждый удар сердца. Ему хотелось наброситься на любого, кто находился в пределах досягаемости. И все это происходило с ним из-за женщины. Риз проклинал тот день, когда познакомился с леди Хелен Рейвенел: образованной, невинной, застенчивой аристократкой до мозга костей, – то есть обладательницей тех качеств, которых недоставало ему.

Они были помолвлены две недели, а потом Риз все испортил. Во время их последней встречи он был нетерпелив и агрессивен: наконец-то поцеловал

Хелен так, как давно мечтал. Она застыла в его объятиях, возмущенная наглостью: недовольство ее было более чем очевидно. Сцена закончилась ее слезами и его гневом.

На следующий день Кэтлин, леди Тренир, которая была замужем за покойным братом Хелен, пришла сообщить, что Хелен расстроена и слегла с мигренью, и прямо заявила:

– Она больше не желает вас видеть.

Риз не мог винить Хелен за то, что расторгла помолвку: очевидно, они не подходят друг другу. То, что он возмечтал взять в жены дочь титулованных английских аристократов, было, судя по всему, против Божьей воли. Несмотря на огромное состояние, Риз не обладал манерами и образованием аристократа, да и привлекательной внешностью не отличался: смуглый, темноволосый, поджарый – как любой человек, не чуждый физического труда. К тридцати годам он превратил маленькую бакалейную лавку отца на Хай-стрит в крупнейший в мире универмаг «Уинтерборнс». Кроме того, он владел фабриками, складами, прачечными и жилыми домами, сельскохозяйственными угодьями, конюшнями, а также входил в советы директоров судоходных и железнодорожных компаний. Но чего бы ни достиг Риз, ему никогда не преодолеть барьер между ним, сыном валлийского бакалейщика, и аристократами.

Его размышления были прерваны очередным стуком в дверь. Риз с недовольным видом поднял глаза и, опять увидев миссис Фернсби, раздраженно спросил:

– Ну что еще?

Секретарша с решительным видом поправила очки на переносице.

– Если не хотите, чтобы леди силой вывели из вашего дома, то должны принять ее. Она заявила, что будет ждать до тех пор, пока вы не соизволите поговорить с ней.

Раздражение Риза сменилось недоумением. Ни одна из знакомых ему дам не осмелилась бы подобным образом вести себя в его доме.

– Как ее имя? – спросил он миссис Фернсби.

– Она не говорит.

Риз задумчиво покачал головой. Интересно, как посетительнице удалось миновать клерков, которые всегда охраняли его покой? Ему пришла в голову абсурдная мысль, и хотя он тут же отбросил ее, пульс участился.

– А как выглядит эта дама?

– Она в трауре, лицо скрыто вуалью. Могу сказать только, что у вашей посетительницы мягкий голос и худощавое телосложение, – сказала секретарша и после недолгого колебания сухо добавила: – Она растягивает слова.

Риз почувствовал, как сжалось от сильных эмоций сердце: это же невозможно, что после всего произошедшего Хелен вдруг сама явилась к нему, – но какое-то чувство подсказывало: она здесь. Не говоря больше ни слова, он встал из-за стола и широким шагом прошел мимо изумленной миссис Фернсби.

– Мистер Уинтерборн! – воскликнула секретарша, семеня за ним. – Вы же в одной рубашке, без сюртука…

Не обращая на нее внимания, Риз направился в просторную приемную с кожаными креслами, но при виде посетительницы резко остановился, у него перехватило дыхание. Несмотря на то что лицо Хелен скрывала густая вуаль, он узнал ее по идеальной осанке и стройной фигуре.

Риз быстро подошел к гостье и остановился перед ней, не в силах вымолвить ни слова. Вдыхая сладкий аромат ее духов, он почувствовал, как его охватил жар, сердце забилось с неистовой силой. В приемную выходили двери нескольких комнат, откуда слышался стук пишущих машинок. Для Хелен было полным безумием явиться сюда одной, без сопровождающих лиц. Ее репутация была под угрозой, и Риз понимал, что должен отправить Хелен домой, прежде чем кто-нибудь ее узнает, но сначала выяснить, зачем она пришла.

Несмотря на чистоту и невинность, Хелен не была наивной дурочкой и не стала бы подвергать репутацию риску без веской причины.

Риз повернулся к миссис Фернсби и севшим голосом сказал:

– Моя гостья скоро уйдет, а пока позаботьтесь, чтобы нам не мешали. – Повернувшись к Хелен, он добавил: – Пойдемте.

Риз направился в свой кабинет, и Хелен молча последовала за ним. Он слышал, как шуршат ее юбки, как всегда, старомодные и поношенные. Так одевается аристократия, переживающая тяжелые времена. Но почему она здесь? Неужели семейство Рейвенел так отчаянно нуждается в деньгах, что решило все же породниться с ним?

Риз мрачно ухмыльнулся, предвкушая разговор с Хелен. Ему хотелось, чтобы она умоляла его возобновить помолвку. Он с удовольствием какое-то время помучил бы ее, прежде чем пойти на уступки. Последние несколько дней он так сильно страдал, что окружающие не осмеливались перечить ему, зная, что им не будет пощады, и хотел отомстить Хелен.

Они вошли в кабинет, просторное тихое помещение с широкими окнами и двойными рамами, обитыми деревянными панелями стенами. В центре комнаты стоял письменный стол орехового дерева, заваленный папками и кипами корреспонденции. Закрыв дверь, Риз подошел к столу, взял песочные часы и неторопливо перевернул. Песок стекал в нижнюю камеру ровно пятнадцать минут. Своим поведением он подчеркивал, что сейчас они находятся в его мире, где время имеет значение, и что ситуация у него под контролем.

Риз повернулся к Хелен, насмешливо вскинув бровь:

– На прошлой неделе мне сказали, что ты…

Хелен откинула вуаль и посмотрела на него с терпеливой нежной серьезностью, которая всегда вводила Риза в ступор, и он осекся. Ее серебристо-голубые глаза, похожие на облака в лунном свете, смотрели по-детски открыто, тонкие прямые светлые волосы были аккуратно собраны в пучок, но одна блестящая прядь, выскользнув из-под черных гребней, свисала над левым ухом.

«Какая же она красивая, черт бы ее побрал!», – мелькнуло в голове у Риза.

– Прости меня, – тихо проговорила Хелен, глядя ему в глаза. – Как только появилась возможность, я пришла к тебе извиниться.

– Не следовало это делать.

– Я должна кое-что обсудить с тобой. – Хелен бросила взгляд на ближайший стул. – Пожалуйста, это очень важно…

– Хорошо, присаживайся, – сказал со вздохом Риз, но не сделал ни малейшего движения навстречу.

Хелен никогда не считала Риза мягким и воспитанным, и он подтверждал ее мнение о нем своим далеким от светского поведением. Риз совершенно не по-джентльменски уселся на стул, скрестил на груди руки, полуобернувшись к столу, и холодно заметил, коротко кивнув на песочные часы:

– У меня не так много времени, так что постарайся покороче.

Хелен опустилась в кресло, расправила юбки и ловкими движениями сняла перчатки, и у Риза при виде ее тонких нежных пальцев пересохло во рту. Она как-то играла для него на рояле в Эверсби, имении ее семьи, и очаровала проворством своих рук, которые летали над клавишами как маленькие белые птички. По какой-то причине Хелен все еще носила кольцо, которое Риз подарил ей на помолвку, и крупный розовый бриллиант зацепился за перчатку. Откинув вуаль, она на мгновение взглянула ему в глаза, и мягкий румянец залил ее щеки.

– Я ни о чем не просила невестку: она приходила сюда по собственной инициативе, воспользовавшись тем, что я плохо себя чувствовала…

– Да, Кэтлин сказала, что ты больна.

– У меня просто болела голова, вот и все.

– Похоже, причиной тому был я?

– Кэтлин придала этому недомоганию слишком большое значение.

– По ее словам, ты заявила, что больше не желаешь меня видеть.

Румянец Хелен стал еще ярче, и она воскликнула с досадой:

– Это она зря! Я вовсе не это имела в виду. У меня раскалывалась голова, и я пыталась разобраться в том, что произошло накануне. – Она опустила глаза и уставилась на свои колени, сжав руки так, словно боялась что-то уронить. – Вот об этом мне и нужно с тобой поговорить, чтобы прийти… к взаимопониманию.

Риз насторожился. У него слишком часто клянчили деньги, поэтому он всегда был начеку. Вот и сейчас догадался, что последует дальше. Хелен ничем не отличалась от многих других, с кем ему приходилось сталкиваться, и наверняка явилась, чтобы попытаться что-нибудь выторговать. Риз не мог винить ее за это, но выслушивать ее аргументы: сколько и за что он ей должен, – было неприятно. Он предпочел бы немедленно дать ей денег и покончить с этим, но тем не менее в глубине души питал слабую, несбыточную надежду, что ей нужно от него что-то еще, кроме денег. Так уж заведено в мире испокон веков: мужчины ищут красивых женщин, а женщины обменивают свою красоту на богатство. Он унизил Хелен, прикоснувшись к ней, и теперь она потребует возмещения за нанесенный моральный ущерб.

Риз обошел стол с другой стороны, достал чековую книжку и, выписав чек на десять тысяч фунтов, протянул Хелен.

– Никто не должен знать, откуда у тебя деньги. Если банковского счета нет, я позабочусь, чтобы его открыли, обещаю все уладить.

Ни один банк не позволил бы женщине самостоятельно открыть счет.

Хелен с недоумением посмотрела на него, затем взглянула на чек и, судорожно вздохнув, спросила:

– Зачем? Да еще такая сумма…

Озадаченный ее реакцией, Риз нахмурился.

– Ты сказала, что хочешь прийти к взаимопониманию.

– Но при чем здесь деньги? – воскликнула Хелен. – Я хочу, чтобы мы поняли друг друга. – Она быстро разорвала чек на мелкие клочки. – Если бы даже я очень нуждалась, то никогда не обратилась бы к тебе.

Риза ошеломил ее поступок. Хелен только что отказалась от небольшого состояния, которое он готов был подарить ей. Значит, он неправильно понял ее, но тогда какого черта ей от него надо? Зачем она сюда пришла?

Хелен несколько раз глубоко вздохнула, стараясь успокоиться, затем встала и подошла к Ризу.

– В нашей семье произошли некоторые… изменения. Теперь у нас есть средства, чтобы обеспечить приданое мне и моим сестрам.

Риз смотрел на нее с непроницаемым выражением лица, за которым скрывалась растерянность, и лихорадочно пытался понять, о чем она говорит. Хелен подошла слишком близко, и легкий аромат ванили и орхидеи, исходивший от нее, проникал в его легкие с каждым вдохом. Риза охватил такой жар, что он едва справлялся с желанием завалить гостью на стол и предаться плотским удовольствиям. Сделав над собой неимоверное усилие, он прогнал грешные мысли, которые лезли в голову. Здесь, в деловой обстановке строгого кабинета, в цивилизованной одежде и начищенных оксфордских туфлях, Риз вдруг почувствовал себя грубым варваром, и ему стало стыдно. Решив установить безопасную дистанцию между собой и гостьей, он попятился, наткнулся на край стола и присел на него.

Но Хелен, как ни странно, опять подошла к нему так близко, что ее юбки мягко коснулись его колен. Она была похожа на возникшую из тумана нимфу, персонаж валлийских сказок. Было что-то сверхъестественное в нежности ее фарфоровой кожи, в поразительном контрасте между темными ресницами, бровями и серебристыми волосами. Холодная полупрозрачность ее глаз завораживала Риза.

Хелен что-то говорила о неожиданной удаче. Что бы это могло значить? Неожиданное наследство? Подарок? Возможно, выгодная инвестиция? Хотя это маловероятно, учитывая печально известную финансовую безалаберность семьи Рейвенел. Какой бы призрачной ни была эта удача, Хелен, похоже, верила, что финансовые проблемы ее семьи закончились.

Если у нее появится приданое, то любой мужчина в Лондоне сочтет за счастье жениться на ней, но она, явившись сюда, ставит под угрозу свое будущее. Ее репутация может быть погублена раз и навсегда. Еще немного, и Риз был готов раздеть ее прямо здесь, в своем кабинете, и никто бы гостье не помог. Он не набросился на нее только потому, что не хотел разрушать исходившее от этой прекрасной хрупкой девушки очарование невинности. Ради ее же блага ему нужно было как можно скорее незаметно вывести ее из дома и отправить восвояси.

Собрав волю в кулак, Риз посмотрел поверх головы Хелен и, сфокусировав взгляд на далекой точке на обшитой деревянными панелями стене, пробормотал:

– Я выведу тебя через черный ход.

– Я не считаю нашу помолвку расторгнутой, – мягко сказала Хелен, пропустив его слова мимо ушей.

Его взгляд метнулся обратно к ней, сердце снова сжалось. Хелен терпеливо ждала его ответа.

– Мы оба знаем, что я последний мужчина, за которого ты хотела бы выйти замуж, – заявил Риз. – С самого начала я видел твое отвращение ко мне.

– Отвращение?

Оскорбленный ее притворным удивлением, он с раздражением продолжил:

– Ты шарахаешься от каждого моего прикосновения, за ужином не желаешь со мной говорить, а временами даже не можешь заставить себя на меня посмотреть! На прошлой неделе, когда я поцеловал тебя, и вовсе отстранилась и разрыдалась.

Риз ожидал, что Хелен смутится, поняв, что ее обвиняют во лжи, но ничего подобного не произошло. Она не моргая смотрела на него, приоткрыв от удивления рот, а потом тихо сказала:

– Пожалуйста, прости меня: я слишком застенчива, мне нужно работать над собой. Поверь, моя стыдливость не имеет ничего общего с отвращением. Честно говоря, я теряюсь в твоем присутствии. – Густой румянец покрыл не только ее лицо, но и шею, до выреза платья. – Мне кажется, я выгляжу глупой в твоих глазах. Что же касается нашей последней встречи… это был мой первый в жизни поцелуй. Я не знала, как себя вести, и чувствовала…

Риз пришел в замешательство: «Хорошо, что сижу, иначе подкосились бы ноги». Может, и правда то, что он принял за брезгливость, было проявлением девичьей стыдливости? У Риза упало сердце. Как легко Хелен нокаутировала его! Всего несколько простых слов – и он готов был упасть перед ней на колени!

Он не усомнился в том, что это был ее первый поцелуй. Ризу никогда не приходилось играть роль искусного соблазнителя. Женщины, самые разные – даже аристократки, – сами вешались ему на шею, и казалось, в постели их все устраивало. Им нравилась его активность, выносливость, сила, изобретательность и особенно крупный детородный орган. Больше у них не было никаких запросов.

Риз был крепок телом, как сланец, добытый на склонах Элидир-Фор, горы в Лланберисе, где родился. Он ничего не знал ни о хороших манерах, ни о хорошем воспитании. На руках у него образовались мозоли от долгих лет сборки ящиков и погрузки товаров в фургоны. Мускулистый как бык, он весил, пожалуй, в два раза больше Хелен, и если бы набросился на нее так же, как бывало с другими женщинами, то разорвал бы на части. О чем он вообще думал? Как могла прийти ему в голову мысль жениться на этой хрупкой девушке? Но слишком ослепленный собственным честолюбием, а также нежностью и утонченной красотой Хелен, он не задумывался над тем, что будет потом. И вот теперь, горько сознавая свою ограниченность, Риз тихо сказал:

– Скоро ты начнешь выезжать в свет, это будет твой первый светский сезон. Я уверен, ты встретишь достойного джентльмена, не такого, как я, который полюбит тебя.

Он хотел встать, но Хелен придвинулась еще ближе, оказавшись между его раздвинутыми коленями, и положила ладонь ему на грудь. Риз изо всех сил пытался сохранить самообладание: еще немного, и он готов был завалить ее на пол.

– Ты… ты поцелуешь меня? – спросила вдруг Хелен.

Риз прикрыл глаза, с трудом сдерживая закипавшую ярость. Судьба сыграла с ним злую шутку, бросив это хрупкое создание в его объятия, как будто хотела наказать за то, что поднялся выше, чем ему было предназначено, и напомнить о том, что никогда ему не стать благородным.

– Я не джентльмен и никогда им не буду, – хрипло проговорил Риз.

– А мне это и не нужно. Просто будь нежным – этого достаточно.

Никто никогда не просил его об этом. К своему отчаянию, он понял, что не знает, как это – быть нежным. Его сильные пальцы вцепились в край стола так, что дерево грозило треснуть.

– В моем желании овладеть тобой нет ни капли нежности, – признался Риз, и в его голосе было столько этой самой нежности, что сам поразился, потому что никогда ни с кем так не говорил.

Когда Хелен коснулась его подбородка, кончики ее пальцев слегка подрагивали. Все его мышцы напряглись, тело превратилось в сталь.

– А ты все-таки попробуй, – услышал он шепот. – Ради меня.

И в следующую секунду ее мягкие губы коснулись его твердо сжатых губ.

Глава 2

Хелен робко коснулась губами плотно стиснутых губ Риза, надеясь на ответную реакцию, но ее не последовало: он оставался холоден как горный лед, и через мгновение она растерянно отстранилась.

Пытаясь не выдать себя судорожным дыханием, Уинтерборн устремил на нее угрюмый взгляд сторожевого пса. Хелен охватило отчаяние, она не знала, что

делать. Ей до сего дня практически не доводилось общаться с мужчинами, и она понятия не имела, как вести себя в такой ситуации. С раннего детства она и ее младшие сестры, Пандора и Кассандра, жили в уединении в загородном родовом поместье. Слуги мужского пола в приорате Эверсби всегда были почтительны с ними, а арендаторы и городские торговцы держались на расстоянии от трех дочерей графа. Родители и брат Тео, который провел бо`льшую часть своей короткой жизни в пансионах и в Лондоне, почти не уделяли Хелен внимания, и она с головой ушла в воображаемый мир книг. Ее поклонниками в этом выдуманном мире были Ромео, Хитклиф, мистер Дарси, Эдвард Рочестер, сэр Ланселот, Сидни Картон и множество сказочных принцев с золотистыми волосами.

Казалось, что за ней никогда никто не будет ухаживать, кроме воображаемых поклонников. Но два месяца назад Девон, кузен, который недавно унаследовал титул Тео, пригласил своего друга Риза Уинтерборна провести Рождество в семье Рейвенел. И все изменилось.

Впервые Хелен увидела мистера Уинтерборна в тот день, когда его привезли в поместье со сломанной ногой. Случилось несчастье. Когда Девон и мистер Уинтерборн ехали из Лондона в Гэмпшир, их поезд столкнулся с несколькими грузовыми вагонами. Мужчины выжили в аварии чудом, но оба получили травмы.

В результате пребывание мистера Уинтерборна в приорате Эверсби затянулось почти на месяц. Он жил у Рейвенелов до тех пор, пока не поправился настолько, чтобы вернуться в Лондон. Несмотря на серьезные травмы, Уинтерборн излучал энергию, которая вызывала у Хелен непонятное волнение и тревогу. Вопреки всем правилам приличия, она помогала ухаживать за ним, причем сама настояла на этом, и причиной ее настойчивости было не одно лишь сострадание. Дело в том, что этот огромный темноволосый незнакомец с акцентом простолюдина сразу же очаровал ее. Когда его состояние улучшилось, мистер Уинтерборн с удовольствием проводил время в ее обществе: Хелен читала ему вслух книги и занимала его беседами. Раньше никто никогда не проявлял к ней такого интереса.

Этот мужчина был весьма привлекателен, но не как утонченные лондонские денди или сказочные принцы. Исходившее от него ощущение силы и мужественности заставляло Хелен волноваться и трепетать. У него было четко вылепленное лицо: чувственный крупный нос, красиво очерченный рот, высокие скулы. Его кожа, вопреки лондонской моде, была смуглой, а не белоснежной,

волосы – черными как вороново крыло. В нем не было ничего от аристократической утонченности и даже намека на томную грацию, зато ощущалось что-то первобытное. Хелен чувствовала исходившую от него опасность, гибельный огонь, тлевший внутри.

Когда он покинул Эверсби, в поместье стало скучно и уныло, дни тянулись медленно и однообразно. Мысли об Уинтерборне не давали покоя… Она постоянно вспоминала его слова, его обаятельную улыбку, хоть и улыбался он нечасто.

И вот теперь Хелен была раздавлена мыслью, что Уинтерборн отверг ее. Он и не собирается возобновлять их помолвку! Его гордость была уязвлена ее поведением. Она хотела все ему объяснить, но увы…

О, если бы только она могла повернуть время вспять и вернуться в тот день, когда он поцеловал ее! Тогда можно было бы все исправить. Уинтерборн слишком резко, порывисто обнял ее и поцеловал так неожиданно, что она испугалась и инстинктивно отпрянула. Он сказал ей тогда какие-то резкие слова, ушел, и до сегодняшнего дня они не виделись.

Если бы Хелен больше общалась с мужчинами, если бы умела флиртовать, если бы какой-нибудь кавалер уже успел сорвать с ее губ поцелуй, то совсем по-другому вела бы себя с мистером Уинтерборном, но у нее не было никакого опыта.

Кроме того, мистер Уинтерборн был взрослый мужчина в расцвете сил, а не молодой невинный юноша.

Хелен никому не призналась бы в том, что ей каждую ночь снилось одно и то же: поцелуй мистера Уинтерборна. В некоторых снах он даже расстегивал ей платье, и его поцелуи становились все более страстными. Хелен понимала, что вот-вот должно было произойти что-то таинственное, запретное. Она просыпалась вся в поту, тяжело дышала и сгорала от стыда, а сердце колотилось как сумасшедшее.

Охваченная волнением, Хелен подняла глаза на Уинтерборна и чуть дрожащим голосом попросила:

– Покажи мне, как надо целоваться, научи доставлять тебе удовольствие.

К ее удивлению, уголок его рта презрительно скривился.

– Хочешь поднять свои ставки, да?

Хелен в замешательстве уставилась на него.

– Ты решила держать меня на крючке, пока не убедишься в финансовой состоятельности своей семьи.

Хелен задело за живое презрение в его тоне.

– Почему ты мне не веришь? Не все же измеряется деньгами…

– Ты согласилась стать моей женой только потому, что у тебя не было приданого. Теперь оно есть. Так выбери себе мужа в своей среде! Вам нужен аристократ, миледи, человек с хорошими манерами и прекрасной родословной, который знает, как обращаться с леди. Он поселит вас в загородном доме, где вы будете ухаживать за орхидеями и читать книги…

– Мне это не нужно! Я вовсе не об этом мечтаю! – взволнованно воскликнула Хелен, опасаясь, что Уинтерборн больше не станет ее слушать, и они расстанутся навсегда. – Всю свою жизнь я лишь читала о том, как живут другие. Мой вымышленный мир был… очень маленьким. Родители считали, что для меня безопаснее жить в уединении, под их защитой. Я была как цветок в оранжерее. И если я выйду замуж за кого-то из нашего круга, никто никогда не узнает меня такой, какая я на самом деле.

– Почему ты думаешь, что со мной ты обретешь себя?

– Потому что… – начала Хелен и запнулась.

Он бросил на нее пристальный взгляд, напоминавший отблеск света на лезвии ножа, и резким тоном сказал после напряженного молчания:

– Ты совсем не знаешь мужчин. Ступай домой, Хелен. В этом сезоне ты найдешь себе подходящего мужа и будешь благодарить Господа, что вовремя образумил тебя и не дал выйти за меня замуж.

У Хелен заныло сердце. Ну почему все так вышло? Как она умудрилась вот так просто взять и потерять Уинтерборна?

– Кэтлин не следовало сюда приходить и выдавать свои мысли за мои. Она думала, что защищает меня, но…

– Но это действительно так.

– Мне не нужна ее защита! – в отчаянии воскликнула Хелен.

Как ни пыталась она сохранять самообладание, но это было все равно что бежать по песку: трудно найти опору. Слезы хлынули ручьем из глаз Хелен, грудь содрогалась от рыданий.

– Я пролежала весь день с мигренью, – с трудом выдавила она, – а когда на следующее утро узнала, что наша помолвка расторгнута, что я потеряла тебя… подумала, что если поговорю с тобой напрямую, то все улажу…

Ее душили рыдания, она была поглощена эмоциями и не замечала, что Риз кружит вокруг нее словно коршун: то тянет к ней руки, то прячет за спину, словно опасаясь дотронуться.

– Не плачь, – наконец произнес он.

– Я не хотела тебя отталкивать, – всхлипывая, сказала Хелен. – Просто не знала, что делать, как мне тебя вернуть. Скажи, возможно ли, чтобы ты снова меня захотел?

Хелен ожидала, что он воспримет ее слова с насмешкой или, может быть, с жалостью, но его реакция потрясла ее.

– Но я и так хочу тебя… – пробормотал Риз. – Сильно, отчаянно, безумно…

Хелен растерянно заморгала, глядя на него сквозь пелену слез, а потом мучительно икнула, как ребенок. Уинтерборн бросился к ней и заключил в объятия.

– Тише, тише… – проговорил полушепотом Риз, и голос его приобрел бархатный оттенок, который ласкал слух. – Тише, голубка моя. Ничто не стоит твоих слез.

Он большим пальцем смахнул слезинку с ее щеки. Хелен обратила внимание, что рукава его рубашки закатаны до локтей, как у плотников или фермеров, и руки у него мускулистые и волосатые, запястья – широкие. Ей так хорошо было в кольце этих крепких рук. Ее окутывали приятные запахи накрахмаленной ткани, чистого мужского тела и мыла для бритья.

Уинтерборн двумя пальцами приподнял лицо Хелен, и ее щеку обдало его теплое дыхание, в котором ощущался запах мяты. Догадавшись, что сейчас произойдет, она закрыла глаза. Земля ушла у нее из-под ног, закружилась голова. Она почувствовала теплое прикосновение к верхней губе – мягкое, едва ощутимое. А потом его губы коснулись уголка ее рта, нижней губы и подбородка. Его ладонь скользнула под вуаль и обхватила ее затылок, губы опять приблизились к ее губам и легко, ласково и нежно коснулись их. Подушечкой большого пальца Уинтерборн провел по нижней губе Хелен, и она почувствовала, какая мозолистая у него ладонь. Ей вдруг стало нечем дышать, захотелось, чтобы поцелуй стал более страстным, долгим, глубоким. И он, как будто прочитав ее мысли, раздвинул ей губы. Дрожа всем телом, она открылась навстречу прикосновению его языка, впитывая его аромат, исходившее от него тепло. Чувствуя покалывание во всем теле, Хелен обвила руками его шею, погрузила пальцы в густые черные волосы.

Именно о таком поцелуе она грезила по ночам! Раньше ей и присниться не могло, что когда-нибудь ее будут целовать так самозабвенно наяву. Он словно собирал с ее губ языком мед, словно пытался вдохнуть в нее жизнь, словно искал слова, предназначенные для стихов… Обхватив ее голову ладонями, он провел приоткрытыми губами по шее, словно пробуя на вкус нежную кожу. Хелен ахнула, когда он коснулся особо чувствительного местечка, колени ее подогнулись, и она едва не упала.

Риз прижал ее к себе крепче и опять завладел ее губами. Он целовал ее с такой слепой, ненасытной силой, что, казалось, она ощущает зов его души, а потом вдруг остановился и неожиданно отпрянул, резким движением оторвав ее руки

от своей шеи. У Хелен вырвался возглас протеста: она не понимала, почему он так решительно и резко отстранился.

Сбитая с толку, Хелен наблюдала за Уинтерборном. Несмотря на то что свои травмы после железнодорожной катастрофы он уже залечил, нога все еще побаливала, и он слегка прихрамывал при ходьбе. Стоя спиной к гостье, Уинтерборн разглядывал в окно очертания Гайд-парка, а когда уперся кулаком в оконную раму, Хелен заметила, что рука его дрожит.

Наконец, судорожно вздохнув, он сказал:

– Мне не следовало это делать.

– Знаешь, а я мечтала, чтобы наш первый поцелуй был именно таким, – призналась Хелен, покраснев от смущения.

Он нервно поправил жесткий накрахмаленный воротник рубашки, а Хелен, увидев, что верхняя камера песочных часов пуста, подошла к столу, перевернула их и с тоской наблюдая за струйкой песка, который отмерял время их свидания – секунду за секундой, проговорила:

– Мне нужно было прямо сказать, чего я хочу, но мне трудно быть откровенной, говорить, что я на самом деле думаю и чувствую. К тому же Кэтлин сказала, что для тебя я всего лишь приз, легкая добыча.

Уинтерборн повернулся к ней и, прислонившись спиной к стене, скрестил руки на груди. На губах его играла усмешка.

– Твоя родственница права: ты прекрасна, как лунный свет, а меня никак нельзя назвать джентльменом. Да, ты была для меня призом, но я тянулся к тебе… хотел тебя не только из-за этого.

Хелен сначала было обрадовалась, но тут же сникла.

– Почему же ты говоришь о своих чувствах в прошедшем времени? Ведь ты только что признался, что все еще хочешь меня…

– То, чего я хочу, не имеет сейчас никакого значения: Тренир никогда не согласится на наш брак.

– Но ведь он сам мне это предложил. Если я дам ему понять, что согласна, он наверняка не будет против.

В комнате надолго воцарилась тишина, наконец Уинтерборн мрачно проговорил:

– Значит, ты еще ни о чем не знаешь…

Она непонимающе уставилась на него, а Риз, засунув руки в карманы, продолжил:

– Я наделал много глупостей в тот день, когда Кэтлин приходила ко мне. После того как она сказала, что ты больше не хочешь меня видеть, я… – Он замолчал губы, его скривились в горькой усмешке.

– Что ты сделал? – с замиранием сердца спросила Хелен, нахмурив брови.

– Это не имеет значения, – заявил Риз. – Меня остановил Тренир, который приехал за Кэтлин. Мы с ним чуть не подрались.

– Так что же все-таки ты сделал? – продолжила допытываться Хелен.

Уинтерборн отвел взгляд в сторону, на его скулах заходили желваки, и наконец признался:

– Я оскорбил твою невестку, сделав ей грязное предложение.

Глаза Хелен расширились от ужаса.

– Ты хотел…

Уинтерборн резко перебил ее:

– Разумеется, нет, и не собирался. Я бы и пальцем ее не тронул. Меня тянет только к тебе. Мне неинтересна эта маленькая строптивица, но я рассердился на нее за то, что лезет не в свое дело.

Хелен бросила на него укоризненный взгляд.

– Ты должен извиниться перед ней.

– Это она должна извиниться передо мной, – возразил Уинтерборн, – за то, что из-за нее я лишился невесты.

Хелен хотелось поспорить с ним, привести веские доводы и аргументы, но она не стала, решив, что в этой ситуации лучше придержать язык. Выросшая в семье, печально известной вспыльчивым нравом и упрямством, она знала, как важно правильно выбрать время, чтобы помочь кому-то увидеть свою ошибку. В данный момент Уинтерборн находился во власти своих страстей и не признал бы, что был не прав, но то, что он сделал, было ужасно. Девон никогда его не простит.

Девон безумно любил Кэтлин и страдал от ревности, будучи собственником, как и все Рейвенелы. Пусть он и был чуть более рассудительным, чем его предки, это не касалось его жены. Любой, кто посмел бы обидеть Кэтлин, заслужил бы его ненависть и навлек на себя гнев. Так вот, значит, почему Девон так быстро отозвал свое согласие на помолвку! То, что ни он, ни Кэтлин ни словом не обмолвились об этом инциденте, не нравилось Хелен. Интересно, как долго еще они будут обращаться с ней как с ребенком?

– Если хочешь, мы можем убежать и обвенчаться тайно, – предложила Хелен, хотя эта идея не казалась ей привлекательной.

Уинтерборн нахмурился.

– У нас или будет настоящая свадьба: с гостями и церковным венчанием, – или не будет ничего. Если мы сбежим, никто никогда не поверит, что ты сделала это добровольно. Будь я проклят, если позволю сплетникам говорить, что я вынужден был похитить невесту.

– Но у нас нет выбора, – возразила Хелен.

Последовала напряженная пауза. Хелен чувствовала, что сейчас произойдет нечто важное, и у нее мурашки побежали по коже.

– Есть, – заявил Уинтерборн, и выражение его лица изменилось, глаза приобрели хищный блеск.

В это мгновение Хелен поняла, почему к нему относятся со страхом и благоговением: это бы настоящий разбойник в маске бизнесмена.

– Мы должны переспать.

Глава 3

Хелен пришла в смятение и, отступая к стене, заставленной книжными шкафами, спросила:

– Не понимаю: зачем?

Уинтерборн, медленно надвигаясь на нее, объяснил:

– Как только узнает, что твоя честь поругана, Тренир даст согласие на брак.

С каждой секундой Хелен становилось все труднее дышать, корсет сдавливал грудь.

– Ты же хочешь выйти за меня? – потребовал ответа Уинтерборн, загоняя ее в угол. – Или нет?

Блуд считался смертным грехом, и от мысли об этом Хелен побледнела. Что, если Уинтерборн лишит ее девственности, а потом бросит? Что, если он способен на такую месть? Ни один джентльмен после этого не захочет на ней жениться – разве что вдовец. О том, чтобы обрести собственный дом и семью можно будет

забыть. Хелен станет обузой для родственников, а ее ребенок, если родится, станет изгоем. Кроме того, ее позор ляжет пятном на репутацию младших сестер, и они не смогут найти хороших женихов.

– Не знаю, можно ли тебе доверять… – с сомнением проговорила Хелен.

Лицо Уинтерборна потемнело.

– Даже если бы я был бесчестным соблазнителем, как ты думаешь, долго ли я прожил бы после отказа жениться на тебе? Тренир завалил бы меня как бешеного зверя.

– Пожалуй, ты прав, – вздохнув, согласилась Хелен.

– Но дело не в Тренире, конечно. Я никогда не брошу тебя. Если мы переспим, ты навсегда станешь моей. Наш союз будет таким же прочным, как если бы мы дали клятву вечной любви перед камнем. Это такой валлийский обычай. Ухватившись за камень, мужчина и женщина обмениваются клятвами, а потом бросают его в озеро. Считается, что сама земля становится свидетельницей их клятвы. И после этого их связывают вечные узы до конца существования этого мира. – Их взгляды встретились. – Давай поступим так, как я предлагаю, и ты никогда ни в чем не будешь нуждаться.

Хелен переполняли противоречивые чувства, даже испарина выступила на лбу от волнения.

– Мне нужно время, чтобы все обдумать.

Но решимость Уинтерборна добиться своего, казалось, только возрастала.

– У тебя будет все: деньги, вещи, целая конюшня чистокровных лошадей. Представь только: жить во дворце со множеством слуг, которые будут выполнять каждое твое желание. От тебя же требуется только одно: отдаться мне.

Хелен потерла виски: начиналась мигрень, и боль становилась невыносимой.

– Но разве нельзя просто распустить слух, что ты меня обесчестил? Девон наверняка поверит на слово.

Уинтерборн покачал головой.

– Нет, так дела не делаются. Мне нужны гарантии.

– Но ведь мы не сделку обсуждаем! – возмутилась Хелен.

Однако Уинтерборн был непреклонен.

– А что, если ты передумаешь?

– Зачем мне тебя обманывать? Неужели ты мне не доверяешь?

– Доверяю, но все-таки будет надежнее, если мы переспим.

С Уинтерборном было невозможно спорить. Хелен пыталась найти другой выход, но чувствовала, что он не намерен уступать, напротив: с каждой секундой становился все более несговорчивым.

– В тебе говорит гордость, – заявила Хелен. – Ты обиделся, рассердился, решив, что я тебя отвергла, и теперь хочешь меня наказать, хотя моей вины здесь нет.

– Какое же это наказание? – Его черные брови насмешливо приподнялись. – Совсем недавно ты самозабвенно отвечала мне на поцелуи.

– Но ведь ты же не ограничишься поцелуями!

– Конечно, нет! – подтвердил Уинтерборн.

Хелен оставалось только отказаться от этой нелепой сделки. Когда-нибудь она встретит достойного джентльмена, брак с которым одобрят ее близкие. Возможно, это будет крупный землевладелец, вежливый, сдержанный, с хорошими манерами, внимательный и предупредительный. Жизнь Хелен пойдет по строгому плану, один год будет похож на другой…

А вот с Уинтерборном все будет наверняка иначе. Она даже представить не могла, какая жизнь ждет ее после свадьбы. Чем может заниматься женщина, муж которой владеет самым большим универмагом в стране? С кем общаться? Как проводить время?

Да и сам Уинтерборн вызывал у нее множество вопросов. Этот мужчина, похоже, находился не в ладу с самим собой и со всем миром, ничего никому не прощал… Каково это – жить с таким? Его жене придется несладко.

Заметив, что Уинтерборн внимательно наблюдает за ней, ловит каждое ее движение, Хелен повернулась к нему спиной, чтобы скрыть выражение лица, и оказалась перед рядами книг, каталогов, манускриптов, гроссбухов. Ниже этих внушительных фолиантов Хелен увидела тома с ботаническими названиями: «Бромелии», «Краткий трактат об оранжерейных растениях», «Виды орхидей», «Выращивание орхидей»…

Хелен как раз увлекалась разведением орхидей: это было ее хобби последние пять лет, – а занялась цветами, когда умерла ее мать, оставив коллекцию примерно из двухсот горшечных орхидей. Поскольку никто другой в семье не пожелал заботиться о них, Хелен взяла этот труд на себя. Орхидеи оказались требовательными к внешним условиям, капризными растениями, каждая обладала своим характером. Поначалу Хелен не находила удовольствия в этом новом занятии, но со временем привязалась к своим питомцам. Как-то она сказала Кэтлин, что, прежде чем предмет твоих забот станет дорогим сердцу, приходится много трудиться.

Хелен прикоснулась к позолоченным переплетам книг и провела пальцем по нарисованному от руки цветку на одном из корешков и спросила:

– Ты ведь недавно купил эти книги?

– Да, после того как ты подарила мне орхидею в горшке, – ответил Уинтерборн.

Пару недель назад он пришел на ужин в особняк Рейвенелов, и Хелен, неожиданно для себя, подчиняясь порыву, подарила ему одну из своих орхидей. Это была редкая голубая «Ванда», ее самое ценное и красивое растение. Уинтерборн, казалось, не особенно обрадовался подарку, но безропотно принял его и поблагодарил Хелен, а когда помолвка их была расторгнута, отослал

цветок обратно.

К своему удивлению, Хелен обнаружила, что капризное растение за это время не зачахло, а, напротив, набрало силу и расцвело еще пышнее.

– Значит, ты ухаживал за ней, – проговорила Хелен, стараясь скрыть изумление.

– Конечно, чтобы не провалить экзамен.

– Это был не экзамен, а подарок от чистого сердца.

– Пусть так…

Хелен резко повернулась к нему:

– Даже если бы ты погубил орхидею, я все равно вышла бы за тебя замуж.

Его губы дрогнули.

– Но ведь я же не погубил…

Хелен долго молчала, пытаясь привести в порядок мысли и чувства. Ей предстояло принять самое трудное решение в своей жизни. Брак всегда риск. Никогда не знаешь, каким мужем окажется твой избранник. Может, ей следует уйти? Хелен представила, как выходит из кабинета, садится в экипаж и едет обратно в особняк Рейвенелов на Саут-Одли. И тогда ее муки закончатся!

Жизнь Хелен будет такой же, как у любой другой молодой леди ее круга. Она будет выезжать в свет, танцевать, обедать с учтивыми поклонниками и, в конце концов, выйдет замуж за того, кто никогда не поймет ее устремлений. Но Хелен сделает все, что в ее силах, чтобы никогда не оглядываться назад и ни о чем не жалеть.

Хелен вспомнила разговор с экономкой, миссис Эббот, который состоялся сегодня утром перед ее отъездом. Экономка, полная аккуратная седовласая дама, служившая у Рейвенелов уже четыре десятка лет, решительно запротестовала, услышав, что Хелен намерена выйти из дому без компаньонки.

– Хозяин всех нас уволит!

– Я скажу лорду Трениру, что ушла из дому без вашего ведома, – успокоила ее Хелен. – И приказала кучеру отвезти меня к Уинтерборну, пригрозив, что в противном случае отправлюсь туда пешком.

– Миледи, вам не следует так рисковать! – не сдавалась экономка.

Но когда Хелен объяснила ей, что собирается навестить Риза Уинтерборна в надежде возобновить помолвку, экономка призадумалась и заметила:

– Я не могу винить вас. Такими мужчинами, как мистер Уинтерборн, не бросаются…

Хелен с любопытством посмотрела на пожилую даму и с удивлением увидела, как ее лицо смягчилось и на нем появилось выражение мечтательной задумчивости.

– Значит, вы уважаете мистера Уинтерборна?

– Да, миледи. О, я знаю, что более знатные господа называют его выскочкой, но для истинных лондонцев – сотен тысяч тех, кто работает изо дня в день и старается прокормить свои семьи, – он легенда. Мистер Уинтерборн добился того, о чем большинство и мечтать не смеют. Когда-то он был простым лавочником, а теперь все, от королевы до последнего нищего, знают его имя. Это вселяет в людей надежду, что они тоже смогут подняться над обстоятельствами. – Экономка улыбнулась и добавила: – К тому же никто не станет отрицать, что мистер Уинтерборн весьма привлекательный мужчина, хотя и смуглый, как цыган. Ни одна женщина, какого бы ни было происхождения, не устоит перед его чарами.

Хелен была с ней совершенно согласна: этот мужчина в расцвете сил излучал удивительную, своего рода животную, жизненную энергию, одновременно пугающую и неотразимую. Но было в нем что-то еще, совершенно особенное. И это «что-то» проявлялось в те редкие минуты нежности, когда, казалось, глубоко запертый в ее сердце тайник печали вот-вот расколется. Уинтерборн был единственным, кто сумел приблизиться к этому сокровенному уголку ее

души. Возможно, у него получится избавить ее от одиночества, которое она испытывала.

Возможно, Хелен вскоре пожалеет о своем решении выйти за него, но все же рискнуть стоило. В голове ее мысли вдруг прояснились. Спокойствие охватило Хелен, когда ей стало ясно, что нужно делать. Глубоко вздохнув, она посмотрела на Уинтерборна и твердо сказала:

– Хорошо, я принимаю твое предложение.

Глава 4

Риз некоторое время молчал, давая ей время пояснить свои слова или осознать, что он не так ее понял, но она ничего не добавила, и тогда уточнил он:

– Значит, ты позволишь мне… – Он опять помолчал, подбирая приличное слово… – овладеть тобой здесь и сейчас?

Хелен побледнела, затем ее щеки покрылись ярким румянцем, но растерянной или испуганной не выглядела: похоже, действительно решилась на отчаянный шаг. Однако Риз все еще не мог поверить, что эта милая невинная девушка согласилась на его предложение, и ждал подвоха. От мысли, что он увидит ее обнаженной, у него все внутри сжималось и сердце пускалось вскачь. Его воображение разыгралось так, что стало нечем дышать. Он вдруг подумал, что его обычный энергичный натиск на этот раз будет неуместен. Хелен девушка ранимая, с ней нужно быть нежным и осторожным.

С девственницами Риз никогда дел не имел, а дамы из высшего общества, благосклонностью которых он нередко пользовался, обычно хотели, чтобы он брал их грубо, как мужлан, как будто с ним иначе и быть не могло.

И Риза это вполне устраивало: не надо было притворяться, играть роль обольстителя, терять время на ухаживание. Он был всегда самим собой: валлийцем с твердым мужским характером. Что же касается романтики, то ее, по мнению Риза, лучше оставить французам.

Но Хелен девственница, а значит, ей будет больно. Что, если он не сумеет сделать так, чтобы после их первого соития она не испытывала страха перед ним или отвращения?

– У меня только два условия, – прервала его мысли Хелен. – Во-первых, я хотела бы вернуться домой до ужина. А во-вторых… – Она покраснела. – Я хочу обменять это кольцо на другое.

Взгляд Риза упал на ее левую руку. В тот вечер, когда сделал предложение, он подарил ей бриллиант размером с перепелиное яйцо. Бесценный камень был обнаружен в Кимберлийских рудниках Южной Африки, огранен знаменитым геммологом в Париже и оправлен в платину его личным мастером-ювелиром Полем Советером. Это была филигранная работа. Увидев недоумение на его лице, Хелен застенчиво объяснила:

– Мне не нравится это кольцо.

– Но когда я его тебе дарил, ты сказала, что нравится, – возразил Риз.

– Я солгала. Впредь я буду с тобой откровенна, чтобы избежать недоразумений.

Осознавать, что не угодил с подарком, было досадно, а вот ее стремление быть с ним откровенной порадовала, хоть ей и далось это непросто. По-видимому, в семье мнение Хелен обычно игнорировалось или попиралось. Риз не хотел уподобляться ее родным. Ему следовало сначала узнать, какие камни и какая оправа ей нравятся, а потом уже выбирать для нее кольцо.

Риз взял левую руку Хелен, поднял, чтобы поближе рассмотреть сверкающий бриллиант, и пообещал:

– Ладно, куплю другой, размером с рождественский пудинг.

– О боже, нет! – поспешно воскликнула Хелен, чем снова удивила его. – Как раз наоборот! Этот огромный камень плохо сидит на моем пальце, видишь? А кроме того, скользит из стороны в сторону, мешает играть на пианино и писать письма. Я бы предпочла камень поменьше. – Она помолчала. – И не бриллиант.

– Почему? – удивился Риз.

– Вообще-то я их не люблю: такие холодные и твердые, – хотя против маленьких, похожих на капли дождя или крохотные звездочки, не возражаю.

Риз усмехнулся:

– Сейчас же прикажу принести лоток с кольцами.

Улыбка осветила ее лицо.

– Спасибо.

– Чего еще хочет моя королева? Карету с упряжкой из четырех лошадей? Ожерелье? Меха?

Хелен покачала головой.

– Но ведь наверняка есть что-то, о чем ты мечтаешь.

Риз не хвастался: просто хотел дать понять, что готов ради нее на все.

– К сожалению, ничего не приходит в голову.

– Может, хочешь новый рояль – большой, концертный, работы Бринсмида? С корпусом красного дерева?

Хелен засмеялась.

– Ну и фантазии у тебя! Да, мне бы очень хотелось иметь фортепиано. Когда мы поженимся, я буду играть для тебя.

Эта мысль понравилась Ризу. Он представил, как будет отдыхать по вечерам, слушая музыку в исполнении любимой жены и наблюдая за ней, сидящей за роялем. А потом он отведет ее в спальню, медленно разденет и осыплет поцелуями все тело. Ризу казалось невероятным, что это существо, сотканное из

лунного света и музыки, действительно будет принадлежать ему. Его вдруг охватила паника. А что, если кто-нибудь похитит Хелен у него? От этой мысли Риза бросило в дрожь.

Он осторожно снял с ее руки кольцо с огромным бриллиантом и провел большим пальцем по едва заметному следу, оставленному золотым ободком. Риз, не прикасась к Хелен, опасался, что не сумеет остановиться и это закончится… бог знает чем. Он не хотел быть грубым мужланом с этим нежным созданием, поэтому необходимо все хорошенько обдумать и решить, как действовать.

– Где тебя ждет экипаж?

– В городской конюшне за магазином.

– Надеюсь, он без опознавательных знаков?

– Это экипаж с гербом Рейвенелов.

«Вот тебе и меры предосторожности», – подумал Риз и жестом пригласил гостью подойти к письменному столу.

– Напиши записку, и я отнесу ее кучеру.

Хелен покорно села за стол.

– Когда он должен вернуться за мной?

– Сообщи, что он не понадобится тебе до конца дня: я сам доставлю тебя домой.

– Можно я пошлю с кучером записку сестрам, чтобы не беспокоились?

– А они знают, куда ты отправилась?

– Да, они, кстати, поддержали мое решение нанести тебе визит. Ты им нравишься.

– Скорее мой универмаг, – проворчал Риз.

С трудом сдержав улыбку, Хелен взяла лист писчей бумаги с серебряного подноса.

По приглашению Риза семья Рейвенел, которая все еще носила траур по покойному графу, однажды вечером нанесла ему визит. Близнецы, Кассандра и Пандора, были в восторге от его универмага. Два часа они ходили по залам, вне себя от возбуждения, и разглядывали застекленные витрины и прилавки, которые были заполнены модными аксессуарами, косметикой и украшениями.

Хелен в недоумении уставилась на авторучку, лежавшую на письменном столе.

– В корпусе ручки есть резервуар с чернилами, – объяснил Риз, заметив ее удивление, и обошел стол. – Когда будешь писать, слегка нажимай на кончик пера.

Осторожно взяв ручку, Хелен сделала росчерк и удивленно замерла, убедившись, что ею можно писать, не обмакивая в чернила.

– Ты что, раньше таких не видела? – удивился Риз.

Хелен покачала головой.

– Лорд Тренир предпочитает обычные перьевые ручки и чернильницы. Он говорит, что они надежнее. Что же касается таких, то, по его словам, они оставляют кляксы.

– Это новая модель: здесь контролируется подача чернил.

Риз с интересом наблюдал, как девушка тщательно выписывает свое имя. Закончив, она с минуту изучала написанное, потом зачеркнула, что-то написала заново и прошептала:

– Так красивее.

Риз склонился и увидел: «Леди Хелен Уинтерборн».

– Ну, не лучше, чем «Рейвенел», – с улыбкой возразил Риз.

Хелен повернулась и взглянула на него.

– Это большая честь – носить твое имя.

Риз привык, что ему все время льстили те, кому от него было что-то нужно, и обычно хорошо понимал их мотивы. Глаза Хелен же были ясными и бесхитростными, она говорила то, что чувствовала.

Риза охватило беспокойство. Хелен ничего не знала ни об окружающем мире, ни о мужчине, за которого собралась замуж. Она осознает свою ошибку, но уже будет слишком поздно что-либо исправить. Если бы у Риза была хоть капля порядочности, он немедленно отослал бы ее домой. Но тут его взгляд упал на записку, которую она подписала новым именем, и это решило ее судьбу.

– У нас будет грандиозная свадьба, – заявил Риз. – Весь Лондон должен знать, что мы женимся.

Хелен, казалось, не особенно обрадовалась этой идее, но возражать не стала. Не отрывая глаз от написанного на листке бумаги имени, Риз нежно погладил Хелен по щеке.

– Представь только, какими будут наши дети. Крепкий валлийский корень и родословная Рейвенелов – это сила! Они завоюют весь мир.

– Думаю, ты их в этом опередишь: у них просто не останется шансов, – сказала Хелен, потянувшись за чистым листом бумаги.

Она быстро написала и запечатала две записки, и Риз позвал миссис Фернсби. Секретарша поспешно явилась на зов хозяина. Ее манеры были, как всегда, идеальными, но карие глаза за круглыми стеклами очков светились любопытством. Уинтерборн встретил ее на пороге, загораживая обзор, не позволяя что-либо разглядеть, хоть взгляд миссис Фернсби и метнулся в комнату.

– Я вас слушаю, мистер Уинтерборн.

Риз вручил ей запечатанные записки.

– Отнесите это в городские конюшни и отдайте прямо в руки кучеру Рейвенелов.

Миссис Фернсби, удивленно заморгав, пробормотала:

– Так значит, это леди Хелен.

Риз жестко предупредил:

– Никому ни слова!

– Разумеется, сэр. Будут ли еще какие-либо распоряжения?

– Отнесите это ювелиру.

Риз положил бриллиантовое кольцо в ее протянутую руку, и миссис Фернсби ахнула при виде украшения.

– Боже праведный! Вы, наверное, желаете, чтобы я отнесла кольцо мистеру Советеру?

– Именно. Скажите, чтобы не позже чем через полчаса мне доставили лоток с обручальными кольцами.

– Но если он будет занят, могу ли я обратиться к другому ювелиру?

– Нет, мне нужен именно Советер.

Миссис Фернсби рассеянно кивнула. Ее мозг лихорадочно работал, пытаясь собрать воедино фрагменты происходящего.

– Кроме того, – добавил Риз, – отмените на сегодня все дела и встречи.

Секретарша изумленно посмотрела на него: такого раньше никогда не было.

– Отменить все запланированные дела? Но как я объясню это вашим партнерам?

Риз раздраженно пожал плечами.

– Придумайте что-нибудь. И передайте слугам, что я намерен провести этот день наедине с моей гостьей. Я не хочу, чтобы нам мешали и мозолили глаза. Если мне что-нибудь понадобится, я позвоню. – Риз помолчал, бросив на миссис Фернсби тяжелый взгляд. – Да, и главное: дайте понять сотрудникам конторы, что, если я услышу хоть одно слово обо мне и гостье, уволю всех без разбора…

– Я могу это сделать и сама, – гордо заявила миссис Фернсби, поскольку руководила штатом сотрудников, вела собеседования и нанимала на работу. – Однако их благоразумие не подлежит сомнению. – Зажав кольцо в руке, она посмотрела на хозяина: – Могу я предложить вам чаю, сэр? Леди Хелен наверняка не откажется от чашечки, да и время ожидания ювелира пролетит быстрее.

Брови Риза сошлись на переносице.

– Мне следовало самому подумать об этом.

Миссис Фернсби не смогла сдержать самодовольной улыбки.

– Вовсе нет, мистер Уинтерборн. Это входит в мои обязанности.

Глядя ей вслед, Риз подумал, что не ошибся, когда нанял миссис Фернсби: она была лучшей секретаршей в Лондоне и выполняла свою работу эффективнее, чем любой мужчина, хотя многие в окружении Риза считали, что это место должен занимать все-таки мужчина. Однако в таких делах Риз привык доверять своей интуиции и в первую очередь ожидал от подчиненных решительности, энергичности, деловой хватки. Именно эти качества были свойственны ему самому и восхождению от лавочника до магната. Для него не имело ни малейшего значения социальное положение сотрудника, убеждения или пол. Главное – деловые качества.

Миссис Фернсби вскоре вернулась с чайным подносом, сервированным в ресторане, работавшем при универмаге. Хоть секретарша и старалась

оставаться незаметной, когда ставила его на маленький круглый столик, Хелен все же заговорила с ней.

– Благодарю вас, миссис Фернсби.

Секретарша повернулась, явно довольная вниманием гостьи.

– Рада услужить, миледи. Прикажете принести что-нибудь еще?

Хелен улыбнулась.

– Нет-нет, этого достаточно.

Секретарша позволила себе задержаться и сама обслужила Хелен будто особу королевских кровей: серебряными щипцами выложила из корзинки, украшенной белой лентой, ей на тарелку крошечные бутерброды и пирожные.

– Хватит подлизываться, Фернсби, – пошутил Риз. – Вас ждут более важные дела.

– Разумеется, мистер Уинтерборн, – ответила секретарша, пронзив его испепеляющим взглядом, и положила серебряные щипцы.

Риз пошел закрыть за секретаршей дверь и вышел в коридор, чтобы Хелен не могла слышать, о чем они говорят.

– Я вижу, вы ошарашены происходящим, – усмехнулся Риз.

Миссис Фернсби было явно не до веселья.

– Леди Хелен провела с вами наедине несколько часов, чем погубила свою репутацию. Дайте слово, сэр, что вы спасете ее.

На лице Риза не дрогнул ни один мускул, хоть его и поразила смелость секретарши. Миссис Фернсби, самая преданная из его сотрудников, всегда прежде закрывала глаза на его похождения.

– Раньше вы не обращали внимания на такие мелочи, – заметил он холодно. – Откуда вдруг такая щепетильность?

– Ваша гостья – леди, к тому же невинная девушка. Вас обвинят в ее совращении.

Риз бросил на миссис Фернсби предостерегающий взгляд.

– Если вы помните, я жду, что мне доставят лоток с обручальными кольцами. Ступайте, Фернсби, и займитесь делом.

Секретарша подняла голову, как воинственная курица, и с явным неодобрением посмотрела на работодателя.

– Слушаюсь, сэр.

Закрыв за ней дверь, Риз вернулся к Хелен, которая в это время сидела на краешке стула с абсолютно прямой спиной и разливала чай.

– Хочешь перекусить?

Риз покачал головой, глядя на нее. Миссис Фернсби была права: Хелен, невинная девушка из благородной семьи, тоненькая как тростинка, казалась хрупкой и ранимой. Возможно, она не хотела, чтобы с ней обращались как с оранжерейным цветком, но вряд ли в ней было больше жизненных сил, чем в ее орхидеях. Справится ли она? Примет ли его образ жизни?

Однако впечатление хрупкости тут же исчезло, когда Риз поймал на себе ее твердый взгляд. То чувство, которое Хелен испытывала к нему, не было страхом. Она пришла сюда по доброй воле, проявив недюжинную смелость. Риз понимал, что ультиматум, который ей предъявил, противоречит всему, к чему он на самом деле стремился, но дело было сделано. Только так он мог быть уверен, что Хелен в последний момент не передумает, не откажется от помолвки. Риз даже представить себе не мог, что с ним будет, если он опять потеряет ее.

Хелен размешала в чае кусочек сахара.

– Как давно миссис Фернсби работает у тебя?

– Пять лет, с тех пор как овдовела. Ее муж умер от тяжелой болезни.

Тень пробежала по лицу Хелен, которая всегда остро чувствовала чужую боль.

– Бедная женщина. Как она попала к тебе?

Хоть Риз обычно не интересовался личной жизнью своих сотрудников и тем более не считал нужным о них говорить, интерес Хелен почему-то побудил его изменить своим принципам.

– Она помогала мужу управлять лавкой чулочно-носочных изделий и перчаток. Так и научилась торговать. После смерти мужа миссис Фернсби пришла сюда в поисках работы, но хотела в отдел рекламы. Тамошний руководитель отказался с ней даже разговаривать, так как считал, что с работой у него может справиться только мужчина.

Это нисколько не удивило и не возмутило Хелен. Как и большинство женщин своего времени, она принимала мужское превосходство в мире бизнеса.

– Однако, – продолжал Риз, – миссис Фернсби была настроена весьма решительно и потребовала от начальника отдела найма встречи со мной, владельцем магазина, но ей, конечно же, отказали. Я узнал об этом на следующий день, нашел адрес миссис Фернсби, послал за ней и лично с ней побеседовал. Мне понравились ее смелость и честолюбие, и я тут же принял ее на работу в качестве личного секретаря. – Риз с довольным видом ухмыльнулся: – С тех пор среди прочего она занимается набором персонала и возглавляет отдел рекламы.

Хелен съела крошечное пирожное с глазированной вишенкой и некоторое время молча с задумчивым видом пила чай.

– Странно, что женщина занимает высокое положение среди мужчин в бизнесе. Мой отец всегда говорил, что женский мозг недостаточно хорошо развит для подобной работы.

– Значит, ты не одобряешь поведение миссис Фернсби?

– Нет-нет, что ты! – возразила Хелен. – У женщины должен быть выбор. Если ей хочется заниматься еще чем-то, кроме семьи и детей, она должна иметь возможность реализовать свои желания. Просто непривычно…

Эти слова задели Риза за живое, и, бросив на нее мрачный взгляд, он проворчал:

– Возможно, вместо предложения руки и сердца мне следовало предложить тебе место секретарши в приемной.

Хелен, сделав глоток чаю, сказала:

– Я бы выбрала замужество. Мне кажется, жизнь с тобой не будет скучной.

Немного успокоившись, Риз взял стул и придвинул к ней поближе.

– На твоем месте я бы не стал особенно рассчитывать на какие-либо приключения. Я намерен заботиться о тебе и оберегать.

Хелен с улыбкой взглянула на него поверх чашки.

– Я имела в виду, что ты и сам очень интересный человек.

Риз почувствовал, что сердце забилось чаще. Ни одна из множества женщин не вызывала у него такого жгучего желания, как эта хрупкая невинная девочка, но Риз не хотел, чтобы она знала, какую власть имеет над ним.

Через несколько минут в кабинет вошел ювелир, мистер Советер, с большим черным кожаным футляром в одной руке и маленьким складным столиком – в другой. Это был невысокий худощавый старичок с залысинами и острым, проницательным взглядом. Хоть Советер и родился во Франции, по-английски говорил без акцента. Его отец, преуспевающий стеклодув, поощрял художественные способности сына и, в конце концов, добился для него места подмастерья у известного ювелира. Позже Советер поступил в парижскую художественную школу, а после ее окончания работал дизайнером в Париже, у Картье и Бушерона. В молодости, желая отличиться, Советер ухватился за

возможность стать главным ювелиром Уинтерборна. Он был несомненно талантлив, обладал опытом и мастерством, но, что не менее важно, умел держать язык за зубами. Хороший ювелир всегда свято хранит секреты своих клиентов, и Советер, который знал их в избытке, неукоснительно следовал этому правилу.

Переступив порог кабинета, ювелир учтиво поклонился, разложил свой столик и поставил на него лоток с ювелирными изделиями.

– Насколько я понимаю, вы хотите посмотреть обручальные кольца. Вам не понравился бриллиант?

– Я бы предпочла камень меньшего размера, – сказала Хелен. – Чтобы не мешал заниматься рукоделием и играть на фортепиано.

Ювелир и глазом не моргнул, услышав, что клиентке не понравился дорогущий бриллиант.

– Не беспокойтесь, миледи, сейчас мы подберем что-нибудь подходящее, а если нет, то я сделаю новое кольцо с учетом всех ваших пожеланий. Какими свойствами должен обладать камень?

Хелен пожала плечами, с благоговением разглядывая сверкающие кольца на черном бархате лотка.

– Может быть, ваш любимый цвет? – подсказал Советер.

– Голубой, – несмело произнесла Хелен и вопросительно взглянула на Риза.

Он кивнул, давая понять, что она может выбрать все, что захочет. Ювелир достал из футляра новый лоток и принялся ловко раскладывать кольца, приговаривая:

– Вот сапфиры, аквамарины, опалы, александриты, а это голубой топаз – довольно редкий камень, добытый на Урале в России.

В течение получаса Советер показывал Хелен различные кольца и рассказывал о достоинствах самих камней и оправ. Хелен постепенно освоилась, перестала робеть и почувствовала себя комфортно в присутствии ювелира. Между делом они непринужденно поговорили об искусстве и музыке, Советер поделился своими впечатлениями о работе в Париже. С Ризом она никогда не говорила так легко и свободно.

Наблюдая за ними, Уинтерборн почувствовал, как в его душе закипает ревность, и решил прибегнуть к испытанному средству снять напряжение – мятным пастилкам. Заветная баночка стояла на письменном столе и пополнялась раз в неделю. Сунув в рот мягкую белую пастилку: лакомство, приготовленное из яичных белков, сахарной пудры и ароматизированной эссенции, – Риз уставился в окно, невольно прислушиваясь к беседе парочки.

– Что это? – услышал он восторженный голос Хелен.

– Лунный камень в обрамлении бриллиантов.

– Как красиво! Почему он светится?

– Этот эффект называется адуляресценцией, миледи. Камень приобретает голубоватый оттенок и особый блеск при направлении на него источника света. Он как будто сияет изнутри.

Кольцо явно привлекло внимание Хелен, и Риз подошел взглянуть на него. Она протянула ему изделие, и он внимательно осмотрел его. Полудрагоценный камень представлял собой гладкий овальный кабошон неопределенного цвета. Когда Риз поворачивал его из стороны в сторону, из его глубин вырывался голубоватыми вспышками рассеянный свет. Это было оригинальное украшение, но, несмотря на бриллианты, обрамлявшие лунный камень, не выдерживало никакого сравнения с тем кольцом, которое Риз подарил ей в день помолвки. Супруге Уинтерборна не подобало носить столь дешевые украшения. Риз, молча проклиная Советера за эти его просветительские лекции, предложил:

– Хелен, позволь мистеру Советеру показать тебе другие изделия. Это кольцо наименее ценное в лотке.

– Но оно мне нравится! – возразила Хелен. – Разве важно, сколько стоит вещь, если она по душе?

– Странное суждение для будущей хозяйки универмага! – заметил Риз. – Но, ей-богу, это кольцо никак не подходит для помолвки.

– Если хотите, – вмешался ювелир, – я могу вместо мелких бриллиантов вставить более крупные и увеличить…

– Нет-нет, – перебила его Хелен, – мне нравится кольцо именно в таком виде.

– Но это всего лишь полудрагоценный камень! – возмутился Риз.

Ни одна из его любовниц не взглянула бы на столь скромное украшение.

Напряженное молчание, воцарившееся в комнате, нарушил Советер.

– Камень столь высокого качества, мистер Уинтерборн, более ценен, чем вы, возможно, думаете. Он стоит больше сапфира средних размеров или, например, рубина с небольшими дефектами…

– Я хочу, чтобы кольцо было достойно моей жены, – заявил Риз.

Хелен, не спуская с него глаз, мягко, но твердо сказала:

– Но мне нужно именно это кольцо.

Риз хотел было поспорить с ней, привести аргументы в пользу своей правоты, но что-то во взгляде Хелен остановило его. Он вдруг понял, что она старается побороть в себе страх перед ним, и у него сжалось сердце. Нет, ни за что на свете он не смог бы отказать ей! Сжав кольцо в кулаке, Риз бросил на ювелира испепеляющий взгляд, и хотя в душе у него бушевала буря эмоций, спокойно сказал:

– Мы берем это кольцо.

Пока Советер убирал лотки с украшениями в футляр, Риз бормотал себе под нос валлийские проклятия. Хорошо, что ни ювелир, ни Хелен его не понимали и не особенно хотели знать перевод.

На прощание Советер галантно поцеловал Хелен руку.

– Миледи, примите мои поздравления по случаю вашей помолвки. Я надеюсь…

– Вам пора, – перебил его Риз, чтобы поскорее выпроводить ювелира.

– Я еще не сложил столик, – запротестовал Советер.

– Вы можете забрать его позже.

Ювелир растерянно взглянул на Хелен и начал было:

– Если я смогу быть вам еще чем-то полезен, миледи… – но Риз опять прервал его и едва не вытолкал за порог.

– Вы и так уже достаточно нам помогли.

Когда дверь за ним закрылась, Хелен взглянула на Риза с выражением благодарности на лице и в наступившей тишине тихо сказала:

– Спасибо. Я знаю, что ты выбрал бы для меня другое кольцо, подороже, но счастлива, что удовлетворил мое желание.

Она улыбнулась ему так искренне, как никогда прежде, и в уголках ее глаз появились очаровательные лучики. Риз никак не мог понять, почему Хелен променяла чистейшей воды бриллиант на лунный камень, но одно ему было ясно: эту женщину нужно оберегать от ее собственной наивности, – поэтому заметил:

– Если владеешь преимуществом, то не следует так легко его отдавать.

Она взглянула на жениха с недоумением, и он объяснил:

– Ты только что обменяла дорогое кольцо на другое, дешевое. Это плохая сделка. Тебе следует потребовать компенсацию за разницу в стоимости в виде подарка: ожерелья или диадемы.

– Мне не нужно ни то ни другое, – заявила Хелен.

– Но так ты всегда будешь нести убытки.

– Брак не бухгалтерские счета.

– О балансе нужно думать всегда, – возразил Риз.

По выражению лица Хелен было видно, что она думает иначе, но спорить не стала. Заметив баночку с мятными пастилками, она подошла к столу, подняла крышку и вдохнула прохладный бодрящий аромат.

– Так вот откуда этот запах! А я все думала, почему твое дыхание отдает мятой.

– Я полюбил мятные пастилки еще в детстве, – признался Риз, – когда возил продукты в кондитерскую на углу. Кондитер обычно отдавал мне бракованные, помятые. – Помолчав, он вдруг спросил с оттенком неуверенности в голосе: – Тебе не нравится этот запах?

Губы Хелен изогнулись в улыбке:

– Вовсе нет, наоборот: запах очень приятный. Можно мне одну пастилку?

– Конечно.

Хелен смущенно взяла маленькую белую полоску и положила в рот. Лакомство мгновенно растворилось, и от вспышки яркого мятного вкуса у Хелен перехватило дыхание.

– Ух… – Она закашлялась и засмеялась, вытирая слезы. – Сшибает наповал.

– Хочешь воды? – с улыбкой спросил Риз. – Нет? Ну хорошо, тогда дай мне руку.

Взяв ее левую руку, он хотел надеть ей на палец кольцо с лунным камнем, но вдруг заколебался.

– Не помню, какие слова я тебе говорил, когда делал предложение в первый раз.

Тогда Риз так волновался, поскольку не был уверен, что ему не откажут, что плохо все помнил.

Улыбка тронула губы Хелен.

– Ты изложил преимущества брачного союза для обеих сторон и объяснил, как можно совместить в будущем наши цели.

Риз поморщился от досады.

– Я не романтик, и все об этом знают.

– Ну а если бы был романтиком, то как выглядело бы твое предложение?

Риз на мгновение задумался.

– Я бы начал с того, что познакомил бы тебя с валлийским словом «хирает». В английском языке ему нет соответствия.

– Хирает, – повторила Хелен, пытаясь произнести это слово с характерным звуком «р», как это делал Риз.

– У тебя неплохо получается, – похвалил он. – Хирает – это тоска по чему-то утерянному или никогда не существовавшему. Ты чувствуешь ее по отношению к человеку, месту или какому-то периоду своей жизни… Это печаль души. Хирает охватывает валлийца, даже когда он ближе всего к счастью, не давая забыть, что он неполноценен.

Хелен нахмурилась.

– И это чувство преследует тебя?

– Да, всю жизнь, с колыбели. – Риз улыбнулся, вглядываясь в прелестное личико Хелен. – Но только не с тобой. Вот почему я хочу жениться на тебе.

Хелен улыбнулась и, встав на цыпочки, обхватила руками его шею, притянула к себе голову и легонько коснулась губ своими, нежными и ароматными как лепестки.

У него было странное ощущение: словно внутри ослабилась какая-то пружина, – его душа наполнилась светлой радостью. Все в его жизни, казалось, вставало на свои места.

Хелен отстранилась и заглянула ему в глаза.

– Это предложение мне нравится больше, чем первое, – сказала она с улыбкой, когда Риз наконец неуклюже надел ей на палец кольцо.

Глава 5

Риз взял Хелен за руку и повел по коридору, похожему на галерею с окнами. Не в первый раз за этот день ее охватило чувство нереальности происходящего. Шаг за шагом Хелен покидала прежнюю жизнь без надежды вернуться. Ее поступки были совсем не похожи на сумасбродные выходки близняшек, поскольку неизменно влекли за собой серьезные последствия.

Когда Риз вел ее по лестнице на верхний этаж, Хелен поразило, что его плечи, казалось, перегораживали всю ширину прохода. Наконец они оказались на небольшой лестничной площадке с красивой глянцевой черной дверью. Риз отпер ее, и они оказались в тихой жилой части здания, которая располагалась за центральным залом универмага и главной лестницей.

Слуг не было видно. В доме царила чистота и пахло свежей краской, лаком, деревом, помещения были полупусты и скудно обставлены – похоже, недавно был ремонт.

Хелен невольно сравнила эти казенные помещения с уютными интерьерами старого усадебного дома в родовом поместье Эверсби: с их изобилием свежих цветов и произведений искусства, с полами, покрытыми потертыми коврами. В усадьбе всюду были книги, в буфетах поблескивал тяжелый хрусталь, полки ломились от фарфора и столового серебра, а по комнатам, освещенным лампами с бахромчатыми абажурами, бегали два черных спаниеля, Наполеон и Жозефина.

После обеда в усадебном доме всегда подавали чай со свежеиспеченным хлебом, вареньем и медом. По вечерам здесь звучала музыка, хозяева и гости играли в игры, лакомились сладостями, пили глинтвейн и вели долгие разговоры, сидя в глубоких уютных креслах. Хелен никогда не жила за пределами Гэмпшира, для нее привычным ландшафтом были реки и луга, залитые солнцем.

Жизнь в центре Лондона протекала совсем иначе.

Окинув взглядом окружавшую ее холодную стерильную обстановку, Хелен представила этот дом как чистый холст, ожидающий, когда его заполнят красками. Ее взгляд скользнул вдоль ряда высоких сверкающих окон, доходивших до самого потолка, и она не вполне уверенно проговорила:

– Очень мило…

– Этому дому не хватает уюта, – откровенно признался Риз. – Бо`льшую часть времени я провожу в магазине, поэтому вся надежда на тебя.

Он повел ее по длинному коридору, в конце которого начиналась анфилада комнат. Они прошли через пустой холл в большую квадратную спальню с высокими потолками и кремовыми стенами. Пульс Хелен участился, и она почувствовала легкое головокружение. Спальня, в отличие от других помещений жилого дома, выглядела обжитой, в воздухе стоял легкий запах свечного воска, кедра и древесной золы. У стены Хелен увидела длинный низкий туалетный столик, на котором стояла резная деревянная шкатулка и лежали карманные часы, плоская щетка и расческа. Пол был покрыт турецким ковром с узором в желтых и красных тонах. У дальней стены стояла массивная кровать красного дерева с резными столбиками.

Хелен подошла к камину, чтобы разглядеть предметы на полке: часы, пару подсвечников и зеленую стеклянную вазу с длинными щепками, которые использовались для зажигания свечей от огня.

Риз успел распорядиться, чтобы в камине развели огонь. Впрочем, слуги и без его приказа могли догадаться, что вскоре последует, – уж во всяком случае секретарша Риза, миссис Фернсби, точно.

Осознав всю глубину безрассудства собственных поступков, Хелен почувствовала, как у нее подкосились колени, но поскольку выбор сделан, поворачивать назад она не могла – да и не хотела.

Рано или поздно ей все равно пришлось бы лечь в постель с Уинтерборном.

Риз тем временем задернул шторы на окнах, и комната погрузилась в полумрак. Глядя на потрескивающее танцующее пламя камина, Хелен заговорила, стараясь сохранять спокойствие:

– Я не знаю, что надо делать.

Дрожащими руками она вытащила длинную булавку и сняла шляпку с густой вуалью и узкими полями. Риз подошел к ней сзади, погладил успокаивающе по плечам, и Хелен, вздохнув, прислонилась к его груди.

– Мы уже как-то лежали в одной постели, – шепнул он ей на ухо. – Помнишь?

На мгновение Хелен растерялась.

– Ты, должно быть, имеешь в виду то время, когда ты лежал, раненный, у нас в поместье? – уточнила Хелен и, покраснев, добавила: – Но это не считается.

– Я помню жар во всем теле и страшную боль в ноге. Потом услышал чей-то ангельский голосок и почувствовал прикосновение прохладной ладони ко лбу. Это была ты. А еще дала мне выпить что-то сладкое.

– Это был цветочный чай: я заварила цветки орхидеи.

Хелен изучала лечебные свойства растений по журналам, которые выписывала ее мать. Их было много в библиотеке поместья.

– А потом ты позволила мне положить голову тебе на грудь, – медленно проговорил Риз, и его рука скользнула по ее груди.

– Я не думала, что ты это запомнишь, – призналась Хелен, судорожно вздохнув.

– Я буду помнить это до своего последнего часа.

Его ладонь снова мягко скользнула по изгибу ее груди и задержалась на соске. Шляпа выпала из дрожащих пальцев Хелен, сосок затвердел. Потрясенная, она застыла, не в силах пошевелиться.

– Я никогда не боролся со сном так яростно, как в тот момент, когда ты положила мою голову к себе на грудь. Мне так не хотелось засыпать в твоих объятиях. Ни один сон не мог бы доставить мне большего удовольствия, чем явь. – Риз наклонил голову и поцеловал ее в шею. – Почему никто не остановил тебя?

По телу Хелен прокатилась дрожь удовольствия от его теплых губ.

– Кто же мог помешать мне ухаживать за раненым? – удивилась она. – И зачем?

– Зачем? Оставлять невинную девушку наедине с грубоватым незнакомцем, простолюдином, да к тому же полуодетым, опасно. Я мог причинить тебе вред прежде, чем кто-нибудь понял бы, что происходит.

– Какой же ты незнакомец? Ведь ты был другом семьи, к тому же находился в таком состоянии, что физически не смог бы причинить мне вред.

– И все же тебе следовало держаться от меня подальше, – заявил Риз.

– Но ведь кто-то же должен был ухаживать за тобой, – резонно заметила Хелен. – Честно говоря, остальные домочадцы просто боялись.

– Значит, только ты осмелилась войти в логово льва?

Она улыбнулась, глядя в его пылкие темные глаза.

– Как оказалось, никакой опасности в этом не было.

– Разве? – усмехнулся Риз. – Посмотри, куда завела тебя твоя доверчивость. Ты находишься в моей спальне, в расстегнутом платье…

– Мое платье вовсе не… – Хелен не договорила, почувствовав, что лиф ее платья действительно того и гляди соскользнет с плеч. – Ох!

Оказывается, пока они разговаривали, Риз расстегнул ее платье. Она вцепилась в одежду, чтобы не дать ей упасть к ногам. Хелен бросало то в жар, то в холод, а он как ни в чем не бывало продолжал, лаская ее губами:

– Сначала мы поговорим о том, что будет дальше, но лучше бы нам устроиться поудобнее.

– Мне и так удобно, – пролепетала Хелен, чувствуя, что внутри у нее все сжалось.

Риз притянул ее к себе, погладил по затянутой в корсет спине.

– Тебе удобно в этой штуковине? – Потом его рука легла на турнюр, набитый конским волосом. – Вот в этом тебе тоже удобно? Сомневаюсь, что в такой амуниции может быть комфортно. – И он принялся развязывать тесемки. – Кстати, первые модницы Лондона уже не носят турнюры.

– Откуда ты знаешь? – запинаясь, спросила Хелен и вздрогнула, когда корсет с глухим стуком упал на пол.

Наклонившись к ее уху, Риз прошептал, словно сообщая великую тайну:

– Следуя отчетам управляющего отделом нижнего белья и чулочно-носочных изделий, мы больше не берем у поставщиков турнюры, так как они перестают пользоваться спросом.

Хелен не знала, что ее больше шокировало: обсуждение женского нижнего белья или его руки, свободно блуждавшие у нее под платьем. Вскоре ее нижние юбки с шелестом упали на пол вслед за корсетом.

– Я никогда не покупала одежду, – выдавила она. – Мне всегда казалось, что все можно сшить самой.

– Этим занимаются женщины, которым приходится самим зарабатывать на пропитание, – заметил Риз, освобождая ее от лифа с длинными рукавами.

По обнаженным рукам Хелен побежали мурашки, но вовсе не от холода.

– В твоем магазине работают швеи?

– Нет, конечно. Продукцию нам поставляют с швейной фабрики.

– Что ты делаешь? – спохватилась она, почувствовав, что он снимает с нее сорочку. – О, пожалуйста, не надо…

Она отпрянула, и Риз сделал паузу, впившись взглядом в ее напряженное лицо, потом с улыбкой заметил:

– Но вообще-то заниматься любовью принято без одежды.

– Можно оставить хотя бы сорочку?

– Хорошо, если так тебе будет комфортнее.

Хелен напряженно ждала, что же произойдет дальше. Ей было страшно, и она постаралась отвлечься на что-нибудь другое, но обнаружила, что это невозможно.

– Как ловко ты обошелся с моей одеждой… Тебе часто доводилось раздевать женщин? То есть я хотела спросить: у тебя было много любовниц?

Риз усмехнулся.

– Больше одной за раз – никогда! Откуда тебе вообще известно о существовании любовниц?

– У моего брата Тео была любовница. Мои сестры подслушали как-то, как они ссорились и папа заявил, что любовница обходится Тео слишком дорого.

– Любовницы всегда были дорогим удовольствием, – пожал плечами Риз.

– Дороже, чем жены?

Риз взглянул на ее левую руку, лежавшую на его груди: лунный камень, казалось, светился изнутри, – и криво усмехнувшись, заявил:

– Похоже, моя жена не потребует много расходов.

Риз вынул из густых волос Хелен черные гребни, и пряди рассыпались по ее плечам и спине. Почувствовав, что она дрожит, он успокаивающе погладил ее и мягко пообещал:

– Я буду нежен с тобой. Постараюсь не причинить сильной боли.

Хелен резко отстранилась и в недоумении переспросила:

– Боли? Какой боли?

– Девственницы испытывают боль в первый раз с мужчиной, – объяснил Риз и бросил на Хелен настороженный взгляд. – Ты что, не знала об этом?

Хелен покачала головой.

– Вообще-то говорят, что боль не такая уж и сильная. Черт возьми, разве женщины не обсуждают между собой такие вопросы? Нет? А что тебе говорила мать, когда у тебя начались месячные?

– Мы с мамой никогда не говорили на такие темы. Когда у меня это началось, я пришла в смятение…

– И только? – удивился Риз. – Скорее всего, это напугало тебя до полусмерти.

Он медленно притянул ее к себе, и она прижалась к его широкой сильной груди, положила голову на плечо и, непривычная к объятиям, застыла в напряжении.

– И что же ты предприняла, когда это случилось?

– О, я не могу обсуждать с тобой подобные темы.

– Почему?

– Это неприлично.

– Хелен, – произнес Риз после паузы, – я прекрасно знаю, что такое женское тело. Джентльмен, конечно, не стал бы расспрашивать тебя о месячных, но я, как тебе известно, не отношусь к этой благородной касте мужчин. – Он поцеловал ее в мочку уха. – Так что рассказывай.

Хелен поняла, что он не отстанет.

– Однажды утром я проснулась и увидела пятна крови на ночной рубашке и простынях. У меня болел живот, и это было ужасно. Кровотечение все не останавливалось, мне стало страшно, и я спряталась в углу библиотеки за шкафом. Меня нашел Тео. Он как раз приехал домой на каникулы из школы-интерната. Он спросил, что случилось, я ответила. – Хелен помолчала, вспоминая покойного брата со смешанным чувством нежности и печали. – Вообще-то Тео всегда держался от меня подальше, но в тот день был очень добр ко мне и даже дал свой носовой платок, чтобы положить… туда, куда нужно, а потом нашел одеяло, обернул меня им и проводил в спальню. После этого Тео прислал ко мне горничную, чтобы объяснила, что к чему и как себя вести…

Она смущенно замолчала.

– Ты про гигиенические полотенца? – подсказал Риз.

– О них-то тебе откуда известно? – совсем стушевалась Хелен, уткнувшись лицом ему в жилет.

Он улыбнулся.

– Они продаются у меня в аптеке. Что еще сказала тебе горничная?

К своему удивлению, Хелен почувствовала, что постепенно успокаивается в его объятиях. От большого сильного мужчины исходил приятный запах: смесь мяты, мыла для бритья и смолы, как от свежесрубленного дерева, – и тепло.

– Горничная сказала, что, когда я выйду замуж и буду спать с мужем, если месячные прекратятся, значит, я забеременела.

– А она ничего не говорила о том, как, собственно, получаются дети?

Хелен покачала головой.

– Горничная только вскользь упомянула, что их вовсе не находят под кустом крыжовника, как утверждала няня.

Риз смотрел на нее в полнейшем недоумении, смешанным с раздражением.

– Неужели всех юных леди воспитывают в полном неведении?

– Да, большинство из нас очень наивны, – признала Хелен. – Обычно муж решает, что должна знать его жена, и сам наставляет ее в первую брачную ночь.

– О боже, не знаю, кого из них жалеть больше.

– Молодую жену, – не колеблясь, ответила Хелен.

Ему стало смешно, и Хелен тут же напряглась. Почувствовав это, Риз крепче обнял ее.

– Не бойся, мое сокровище, это я не над тобой. Но беда в том, что мне не приходилось раньше объяснять, что такое половой акт, и я понятия не имею, как сделать, чтобы это звучало привлекательно.

– О господи… – прошептала Хелен.

– Не пугайся, в нашем первом соитии не будет ничего ужасного, обещаю. Возможно, тебе даже понравится. – Он прижался щекой к ее макушке и ласково добавил: – Я буду объяснять все свои действия по ходу дела, хорошо?

Хелен кивнула.

– В таком случае пойдем.

Хелен на ватных ногах последовала за ним к кровати. Ей хотелось быстрее нырнуть под одеяло, и она почти осуществила свой план, но Риз остановил ее:

– Подожди.

На ней были только чулки, батистовая нижняя сорочка и панталоны с прорезью в промежности. Он коснулся ее обтянутой чулком лодыжки, медленно провел рукой по голени и, заметив, что дешевый хлопчатобумажный чулок в нескольких местах заштопан, нахмурился и пробормотал:

– Ну разве можно надевать это грубое рубище на такие красивые ножки?

Его рука скользнула на бедро, которое стягивала подвязка, да так туго застегнутая, что к концу дня обычно оставляла красный след на нежной коже. Расстегнув пряжку, Риз обнаружил багровые натертости вокруг бедра и нахмурился еще сильнее, из его груди вырвался возглас возмущения. Хелен не раз слышала нечто подобное. Это была реакция Риза на то, что ему крайне не нравилось. Сняв грубый чулок и с отвращением отбросив в сторону, он принялся за второй.

Хелен возмутило столь бесцеремонное обращение с ее вещами, и она предупредила:

– Чулки мне еще понадобятся.

– Эти – нет, будут другие, – отрезал Риз, – и новые приличные подвязки к ним.

– Но и эти еще вполне пригодны… – попыталась она возразить.

– Они грубые, оставляют следы на коже.

Риз снял второй чулок, скомкал и бросил в камин, где он тут же вспыхнул ярко-желтым пламенем.

– Зачем ты это сделал? – воскликнула Хелен сердито.

– Моя невеста не должна носить такое уродство.

– Но это мои вещи, какими бы они ни были!

К ее досаде, Риз ничуть не раскаялся в содеянном, а лишь пообещал:

– Я подарю тебе дюжину тонких красивых чулок.

Хелен нахмурилась и отвела взгляд в сторону, а он, усмехнувшись, добавил:

– Держу пари, что даже посудомойка на моей кухне не носит такие грубые чулки, да еще и штопаные-перештопаные.

Научившись терпению за долгие годы жизни в семействе Рейвенел, где она всегда выступала как миротворец, Хелен придержала язык и дважды сосчитала до десяти, прежде чем решилась ответить:

– У меня не так много средств, чтобы покупать новые: мне проще заштопать старые, а деньги потратить на книги. Возможно, для вас это не имеет значения, но для меня это самое важное в жизни.

Риз молчал, сдвинув брови, и она решила было, что он подыскивает аргументы в свою пользу, но, к ее удивлению, он вдруг тихо произнес:

– Прости меня, Хелен. Я порой сначала делаю, а потом думаю. Я не имел права так обращаться с твоими вещами.

Поскольку Уинтерборн не имел привычки извиняться или перед кем-то заискивать, ее раздражение сменилось удивлением.

– Вот как? Ну ладно, ты прощен.

– Отныне я не буду трогать твои вещи и нелицеприятно высказываться о них, – пообещал Риз.

Хелен усмехнулась:

– У меня не так уж много вещей, если не считать двухсот горшков с орхидеями.

Его руки легли ей на плечи, пальцы взялись за бретельки сорочки.

– Ты хочешь, чтобы все эти горшки перевезли сюда из Гэмпшира?

– Боюсь, разместить их здесь будет проблематично.

– Я найду способ это сделать.

– Правда?

– Конечно. – Он провел кончиками пальцев по изгибам ее плеч. – Я хочу, чтобы ты была счастлива. Орхидеи, книги, чулочная фабрика, которая будет выпускать шелковые изделия только для тебя.

Хелен прыснула.

– Нет, пожалуйста, не трать напрасно деньги: мне не нужна чулочная фабрика.

– У меня она уже есть. В Уитчерче. – Он наклонился поцеловать бледный изгиб ее плеча, и прикосновение его губ было теплым и невесомым, как солнечный свет. – Если хочешь, я как-нибудь покажу ее тебе. Это грандиозное предприятие. Там стоят огромные машины, перерабатывающие шелк-сырец в нити тоньше твоего волоса.

– О, как интересно! Я с удовольствием посмотрела бы на это! – воскликнула Хелен, и Риз с довольным видом улыбнулся.

– В таком случае мы обязательно съездим в Уитчерч. – Его пальцы перебрались к распущенным светлым локонам Хелен. – У тебя всегда будут лучшие чулки и самое красивое женское белье.

Опустив ее на кровать, он попытался снять с нее панталоны, но Хелен напряглась и, перехватив его руки, прошептала:

– Я очень стесняюсь.

Его губы нежно скользнули к ее уху.

– Как застенчивые женщины предпочитают, чтобы с них снимали панталоны, – быстро или медленно?

– Думаю, быстро! – неожиданно для себя выпалила Хелен.

Риз в мгновение ока стянул с нее панталоны и отбросил в сторону. Мурашки побежали по обнаженным бедрам Хелен, а он тем временем принялся развязывать галстук. Поняв, что он собирается раздеться прямо у нее на глазах, она скользнула под пуховое одеяло и натянула его до ключиц. Постель была мягкой и чистой, от белья исходил успокаивающий запах средства для стирки, напомнивший Хелен жизнь в Эверсби. Стараясь не пялиться на Риза, она уставилась в камин, но краем глаза все же наблюдала за его движениями. Вот он неспешно расстегнул манжеты, снял жилет и рубашку.

– Ты можешь смотреть на меня, если хочешь, – услышала она его голос. – В отличие от тебя я не стыдлив.

Прижимая к себе одеяло, Хелен медленно повернула к нему голову и больше не смогла оторвать глаз от представшей ее взору картины.

Уже обнаженный до пояса, он был великолепен. Мышцы его крепкого сильного торса были как будто пришиты к костям стальной нитью. Чувствуя себя вполне комфортно в своей полунаготе, Риз сел на край кровати и взялся за ботинки.

Контуры его рельефных мышц были так четко очерчены, что загорелая кожа блестела, словно отполированная. Когда он встал и повернулся к ней лицом, Хелен удивленно заморгала, обнаружив, что на его широкой груди совсем нет волос.

Часто, когда ее брат Тео беззаботно разгуливал по усадебному дому в Эверсби в распахнутом халате, она видела на его груди поросль жестких завитков. И когда Уэста, младшего брата Девона, как-то укладывали в постель с сильным ознобом, Хелен тоже заметила волосы на его груди. Из этого она сделала вывод, что у всех мужчин должен быть волосяной покров, и тут же высказала свои сомнения вслух:

– У тебя гладкая грудь.

– Это фамильная особенность мужчин нашего рода, – рассмеялся Риз и начал расстегивать брюки, а Хелен поспешно отвела взгляд. – Будучи подростком, я считал это своим проклятием, а юношей стыдился голой груди, в то время как мои ровесники хвастались густой порослью, которую считали признаком мужественности. Друзья даже дразнили меня, называли барсуком.

– Барсуком? – в недоумении переспросила Хелен. – Но почему?

– Ты когда-нибудь слышала выражение «лысый, как барсучья задница»? Нет? Для изготовления кисточек для бритья используют барсучий волос именно из области вокруг хвоста. Вот поэтому, как считается, у барсуков задницы голые.

– Издеваться нехорошо! – возмутилась Хелен.

Риз усмехнулся.

– Так уж принято у подростков. Поверь, я вел себя не лучше: тоже никому спуску не давал, а когда вырос и возмужал, никто не осмеливался даже подшучивать надо мной.

Матрас прогнулся под его тяжестью, когда он лег рядом с ней. Испугавшись того, что сейчас неизбежно должно произойти, Хелен крепко обхватила себя руками. Никогда еще она не чувствовала себя такой беззащитной.

– Не волнуйся, – шепнул Риз, – и ничего не бойся. Я просто тебя обниму.

Он нежно прижал ее к себе, положив руку на спину, и ее ледяные ступни коснулись жесткой поросли на его ногах. Причудливые тени от языков пламени камина плясали у них над головой. От Риза тоже исходило тепло, и Хелен, согревшись, начала понемногу расслабляться. Его рука легла ей на грудь, сосок тут же затвердел и уперся ему в ладонь. Дыхание его участилось, и он припал к ее губам. Она неуверенно отвечала ему, чувствуя нежные поглаживания, от которых по телу пробегала дрожь. Риз потянул за тесьму на вороте ее сорочки, и она распахнулась. Хелен ахнула и попыталась прикрыть обнажившуюся грудь, однако Риз не позволил.

– О, пожалуйста… – взмолилась она, но он ее больше не слушал: уткнувшись лицом в ложбинку между упругими полушариями, сжал двумя пальцами сосок, потом провел по нему кончиком языка.

Хелен бросило в жар, а Риз тем временем взял сосок в рот, поиграл с ним языком и вдруг принялся сосать.

Ошеломленная столь порочным наслаждением, растворившись в нем, Хелен потянулась к Ризу, не понимая, чего еще ей хочется, но тут ощутила, как через тонкую ткань сорочки ей в живот упирается твердый стержень. Вздрогнув, она отпрянула.

Риз поднял голову и хрипло попросил, опустив руку к ее ягодицам:

– Нет-нет, не отстраняйся. То, что ты почувствовала, свидетельствует о моем желании. Эта часть моего тела, которая должна войти в тебя, твердеет и увеличивается в размере.

«Боже милостивый!» – пронеслось в голове Хелен. Неудивительно, что вокруг этого действа столько тайн. Если бы женщины знали, что их ждет, то никогда не согласились бы спать с мужчинами. Хелен попыталась скрыть испуг, но у нее это плохо получилось. Риз, посмотрев на нее со смешанным чувством досады и удивления, попытался успокоить:

– Все это не так страшно, как кажется.

Несмотря на растерянность, Хелен набралась смелости и робко уточнила:

– А куда именно должна войти эта штуковина?

Вместо ответа Риз лег поудобнее и принялся ласкать внутреннюю поверхность ее бедер, медленно их раздвигая. Хелен едва могла дышать. Потом он задрал повыше подол сорочки, и вскоре его пальцы коснулись пушистых завитков на ее холмике. Она напряглась от странного, но невыразимо приятного ощущения, которое нарастало в ней, грозя увлечь в водоворот бурных эмоций.

А тем временем его рука скользнула к влажным складкам, и, пальцем надавив на тайное местечко, он тихо сказал, наблюдая за ней из-под полуопущенных черных ресниц:

– Вот сюда я должен войти.

Застонав в замешательстве, Хелен попыталась увернуться, но он удержал и погрузил палец чуть глубже.

– Сначала ты почувствуешь боль. – Он нежно провел пальцем по складкам, раздвигая, лаская, сводя с ума. – Но это будет только в первый раз, потом станет приятно.

Хелен закрыла глаза, наслаждаясь странными ощущениями, проснувшимися в ней. Они были неуловимыми, как аромат его одеколона, витавший в тихой комнате.

– Я буду двигаться вот так, – проговорил Риз, и его ласки обрели ритм: палец погружался в нее и выходил наружу, так что Хелен вскоре почувствовала, как между ног выступила влага. – Пока не кончу.

– А как я об этом узнаю? – пролепетала Хелен, с трудом ворочая языком, оттого что во рту все пересохло.

– В этот момент сердце начинает бешено колотиться, ты будто бы изо всех сил пытаешься до чего-то дотянуться, но не можешь. Это настоящая пытка, но ты скорее умрешь, чем остановишься. – Палец его тем временем продолжал

ритмично двигаться, лаская, возбуждая. – Ты улавливаешь ритм и подчиняешься ему, потому что знаешь: мир вот-вот рухнет. И это действительно происходит.

– Как это все странно, – с тревогой выдавила Хелен, ощущая, как в ней нарастает жар. – И не вселяет спокойствия…

Риз засмеялся.

– Речь идет не о спокойствии, а о наслаждении.

Тут его палец переместился на чувствительный бугорок, и по телу Хелен пробежала судорога.

– Тебе больно? – встревожился Риз, выписывая круги вокруг средоточия ее наслаждения.

Он не понимал, что она считала постыдным дотрагиваться до определенных местечек тела. Эти мысли Хелен внушили с детства. Толстая няня шлепала линейкой непослушных детей по ладоням, если замечала блуд. Такие уроки не забываются.

– Это… срамное место, – наконец, задыхаясь, прошептала она. – Так меня учили!

Риз рассмеялся.

– Наверное, те же, кто утверждал, что младенцев находят под кустами крыжовника?

Хелен была вынуждена признать его правоту и погрузилась в напряженное молчание.

– Многие стыдятся своих желаний, – продолжил Риз. – Я не принадлежу к их числу и не хочу, чтобы ты была такой. – Он погладил ее по груди. – Ты создана для наслаждения. В тебе нет ни одного изъяна, а в том, что сейчас происходит, нет ничего постыдного. – Риз, казалось, не замечал, как она напряглась, когда его рука опять скользнула туда, откуда на мгновение появилась. – Особенно это милое местечко… Ах как оно прекрасно! Так похоже на одну из твоих орхидей.

– Что? – еле слышно пролепетала Хелен, гадая, не издевается ли он над ней. – Нет… ты шутишь…

– Вовсе нет. Вот это лепестки, – проговорил Риз, кончиком пальца раздвигая нежные складки.

Хелен попыталась отстраниться, но он продолжил свои нескромные ласки. Сопротивляться было бесполезно.

– А вот это пестик… – Он слегка надавил на чувствительный бугорок и мягко потер его.

Только теперь Хелен поняла, что он имел в виду, и побагровела, сожалея, что не может лишиться чувств.

Его губы сложились в улыбку.

– Я никогда туда не заглядывал: не было желания, – а сейчас вот захотелось. Ты позволишь?

С ней происходило что-то странное. Жар полз вверх по ногам и сосредоточивался в животе. Между ног совсем мокро. Хелен извивалась от его ласк, не в силах контролировать свои эмоции. Риз развел ей колени и, покрывая бедра нежными поцелуями, с жадностью принялся рассматривать ее разверстое лоно. Кончик его пальца опять потрогал чувствительный бутон, и по телу Хелен пробежали волны дрожи. Он усилил нажим, потер, обвел кругами, и Хелен накрыла настоящее цунами. Из груди вырвался крик, и она сжала колени, едва не задохнувшись.

– Ты не должна отстраняться, – сквозь шум в ушах услышала она бархатистый голос. – С тобой не происходит ничего ужасного, так и должно быть.

Но Хелен не двигалась, ошеломленная таким фонтаном наслаждения, который буквально захлестнул ее. У нее едва сердце не остановилось. Риз привлек ее к себе и, поцеловав, шутливо пожурил:

– Похоже, мне досталась строптивая жена? Что-то рано ты начала игнорировать мои приказания.

– Мы еще не женаты, – пролепетала Хелен распухшими от поцелуев губами.

– И не поженимся, пока не достигнем взаимопонимания. – Его рука нежно погладила ее ягодицы. – Расслабься, и продолжим.

Хелен подчинилась, и из горла Риза вырвался одобрительный звук, похожий на мурлыканье. Он смотрел на нее сверху вниз, и глаза его светились в полумраке как отражение звезд в полуночном океане. Сложенный как античный бог, он приводил в смятение несчастных смертных дев, и этот бог принадлежал ей, Хелен.

– Я хочу знать, что ты чувствуешь, – неожиданно для самой себя прошептала она.

У него перехватило дыхание, когда она провела ладонью по его гладкой мускулистой спине, погладила ягодицы, потом обхватила его толстый затвердевший член и чуть сжала. Повинуясь какому-то древнему знанию, она начала скользить вверх-вниз по этой горячей пульсирующей плоти. Затем, осмелев, нащупала прохладные гирьки, вырвав из его груди сдавленный возглас. Он едва не задыхался, совершенно ошеломленный.

Словно хищный зверь, Риз набросился на нее и стал осыпать грудь и плечи ненасытными поцелуями. Хелен тихо застонала, ощутив, как он задирает подол ее сорочки. Однако тонкая ткань мешала ему, и Риз, в конце концов, просто разорвал ее с такой легкостью, словно она была из бумажного кружева.

Хелен почувствовала его губы, а потом и язык у пупка. Ей стало щекотно. Его поцелуи становились все более напористыми и непристойными. Хелен ощутила его губы возле влажных завитков и в ложбинках бедер. Его руки скользнули ей под ягодицы, подняли ноги и уложили к нему на плечи. В следующее мгновение она почувствовала, как кончик его языка коснулся набухшего бутона плоти, и застонала. Услышав этот возбуждающий звук, Риз взял весь бутон в рот и принялся сосать. Хелен почувствовала нарастающее давление внутри: на нее надвигалась мощная пугающая волна наслаждения, грозившая полной утратой самоконтроля. Чем больше Хелен пыталась сдерживать это цунами, тем

бо`льшую силу оно набирало, пока, наконец, ее не сотрясли мощные спазмы удовольствия. Сильная дрожь пробежала по ее телу, а когда затихла, Хелен обмякла в изнеможении.

Ее женское местечко стало вдруг таким чувствительным, что, казалось, даже самое нежное прикосновение могло причинить боль. С бессвязным протестом Хелен попыталась оттолкнуть Риза, но его невозможно было сдвинуть с места. Его язык скользнул ниже, нащупывая вход в ее лоно. Открыв глаза, Хелен увидела темные очертания его головы, вырисовывавшиеся на фоне отблесков пляшущего в камине пламени, и пробормотала:

– О, пожалуйста!

Он не обращал внимания на ее мольбу: да она вряд ли понимала, о чем просит, – шире раздвинул ей бедра и пальцем надавил на маленький бутон ее разгоряченной плоти. К своему стыду и удивлению, Хелен вздрагивала при каждом движении его пальца, ее лоно сжималось, как будто хотело захватить и удержать его внутри. Прежде чем она успела это осознать, на нее накатила новая волна наслаждения. Хелен уперлась пятками в матрас, и каждый раз, когда жар волна за волной проходил через нее, ее бедра взлетали вверх.

Задыхающаяся, совершенно не владевшая собой, Хелен рухнула на матрас и даже не попыталась сопротивляться, когда Риз навис над ней. Тем временем его естество, гладкое и твердое, толкнулось в ее влажные глубины. Риз рукой ввел бархатистую головку в ее лоно и начал усиливать давление. Хелен почувствовала дискомфорт, заерзала под ним и застонала, а когда он вошел в лоно и ее воспаленная плоть запульсировала вокруг него, ее пронзила такая жуткая боль, что она закричала.

Обхватив ее голову руками, Риз посмотрел ей в глаза и прошептал:

– Прости, что причинил тебе боль, голубка. Не напрягайся, расслабься, попытайся открыться мне навстречу.

Хелен лежала неподвижно, привыкая к новым ощущениям, а Риз нежно целовал, едва касаясь губами, ее плечо, шею, ложбинку между грудями, и она почувствовала, как острый дискомфорт уходит, боль понемногу отступает.

– Да, – прошептал он. – Вот так.

Хелен смутилась, когда поняла, что он ощущает напряжение мышц в ее промежности, и, подняв руки, неожиданно положила ладони на его мощную спину. От этих прикосновений его мышцы превратились в сталь. Заинтригованная его реакцией на легкое прикосновение, она нежно провела пальцами от его плеч вниз к талии и кончиками ногтей немного поцарапала поясницу. Риз застонал и, потеряв самоконтроль, яростно задрожал. Хелен поняла, что он, как и она, достиг пика наслаждения, и сильнее вцепилась в него.

Спустя некоторое время Риз со стоном скатился с нее и лег на бок. Когда его член выскользнул из лона, Хелен почувствовала, как по бедрам потекла горячая струйка. Ее плоть все еще болела, но несмотря на это, она чувствовала себя удовлетворенной, ее тело было приятно расслабленным. Собрав последние силы, она повернулась на бок и прижалась к плечу Риза.

Мысли Хелен путались. Ей казалось, что наступила глубокая ночь, хотя еще стоял день. Скоро ей придется встать, одеться и выйти на улицу, где царил яркий холодный свет. В этот момент Хелен хотелось только одного: остаться в объятиях Риза и спать, спать, спать…

Риз попытался расправить одеяло и вытащил из-под Хелен какую-то тряпку. Это было то, что осталось от ее сорочки. Казалось бы, Хелен должна была встревожиться: как она явится домой без сорочки? – но ее охватило такое изнеможение, что стало не до таких мелочей.

– А я ведь обещал не портить твои вещи, – с сожалением произнес Риз.

– Ничего. Ты просто увлекся, – с трудом выдавила Хелен.

Риз издал слабый смешок и уточнил:

– Скорее потерял голову.

Куском разорванной сорочки он вытер влагу между ее бедрами и отбросил ее в сторону.

– Спи, дорогая, тебе нужно отдохнуть… Я разбужу.

Хелен облегченно вздохнула и погрузилась в сон. Впервые в жизни она заснула в объятиях мужчины.

Больше часа, пока Хелен спала в его объятиях, Риз пребывал в странном опьянении и не мог насмотреться на нее. Все в ней вызывало у него восторг – мягкие линии женственного тела, красивые изгибы нежной упругой груди, светлые волосы, которые переливались и струились по его плечу, словно расплавленная платина. Ее лицо, такое невинное во сне, лишенное своей обычной маски невозмутимости, казалось ангельским ликом. Он не мог отвести взгляда от мягких линий ее чувственного рта. Казалось бы, Риз вдоволь насладился ею, но все еще, как ненасытное животное, хотел ее.

Хелен забылась беспокойным сном. Временами ее ресницы подрагивали, губы приоткрывались от неровного дыхания, пальцы рук и ног непроизвольно подергивались. В такие моменты Риз ласково обнимал ее и баюкал как ребенка. Эта женщина, даже погруженная в сон, пробуждала в нем нежность – то чувство, которое он до сего дня ни к кому не испытывал. Он ублажал женщин, овладевал ими, дарил наслаждение – но на этом все и заканчивалось. Риз ни с кем не занимался любовью так самозабвенно и благоговейно, как с ней.

Хелен, заворочавшись, коснулась его бедром, и сразу же член Риза энергично ответил на это прикосновение. Ему захотелось опять овладеть ею, пусть она еще и не отдохнула от его ласк, не смыла кровь и семя. Уступая ему во всем, Хелен как будто получила некую власть над ним. Ризу пришлось взять себя в руки, чтобы снова не наброситься на нее и не войти в это измученное беззащитное тело.

Он попытался успокоиться, взять себя в руки и насладиться теплом, исходящим от ее нежного тела. В камине треснуло полено, взрыв пламени бросил красноватые отблески на потолок. Кожа Хелен цвета слоновой кости теперь казалась золотистой. Очень нежно Риз коснулся идеального изгиба ее тела. Как странно было лежать так долго рядом с ней без движения: как правило, Риз не выносил бездействия, – но сейчас, казалось, мог провести в постели несколько часов, просто обнимая возлюбленную. И это среди бела дня! Риз не помнил, когда в последний раз лежал в кровати в это время суток, если не считать трех недель, проведенных в Эверсби, когда он приходил в себя после железнодорожной катастрофы.

До этого случая он ни разу в жизни не болел: больше всего на свете Риз боялся оказаться в чьей-то власти, – но после аварии долго пребывал в беспамятстве, а запомнил лишь прикосновения прохладных рук молодой женщины и ее убаюкивающий голос. Она вытирала ему лицо и шею ледяными салфетками и поила сладким чаем. Все в ней успокаивало его: нежность прикосновений, ванильная сладость запаха, мягкость, с которой она говорила с ним. Это были самые блаженные минуты в жизни Риза. Хелен рассказывала ему истории из мифологии и говорила об орхидеях. Он часто возвращался к этим воспоминаниям и понимал, что впервые был счастлив. И это счастье не было похоже на выслеживание жертвы, дикую охоту за ней, на утоление жажды страсти… Эта девушка дарила ему доброту, ничего не требуя взамен, и с тех пор Риз жаждал снова испытать те же эмоции, жаждал Хелен…

Нежный платиновый завиток трепетал перед ее носом от размеренного дыхания, и Риз пригладил его и легонько провел большим пальцем по узкой темной брови. Он все еще не понимал, зачем Хелен пришла к нему. Поначалу думал, что ее привлекает богатство, но, похоже, это было не так. Что же тогда? Риз не обладал ни складом ума выдающегося ученого, ни знатным происхождением… Хелен как-то сказала, что хочет приключений, но и они со временем приедаются, становятся утомительными, и тогда наступает время возвращаться к безопасному привычному образу жизни. Что будет, когда и Хелен этого захочет, но поймет, что это невозможно?

Риз осторожно ослабил объятия и заботливо укрыл Хелен одеялом. Встав с кровати, он почувствовал бодрящий холодок спальни и быстро оделся. Его мысли вернулись в прежнюю колею, и он принялся перебирать в уме списки товаров и планы работы, как карты на столе во время пасьянса.

О чем он только раньше думал? Ему хотелось устроить пышную свадьбу, чтобы показать многочисленным гостям свою невесту, в жилах которой течет голубая кровь… Какое тщеславие! Почему он решил, что знатное происхождение имеет какое-то значение?

– Идиот, – обозвал он себя с отвращением, почувствовав, что наконец-то ясно мыслит после нескольких дней, проведенных как в тумане.

Теперь, когда Хелен принадлежит ему, он не мог опять потерять ее. Риз не желал расставаться с ней даже на короткий срок до свадьбы. Ему нужно было,

чтобы она всегда находилась рядом, под рукой. Он не мог рисковать, опасаясь, что его невеста опять окажется во власти Девона. Хотя Риз был убежден, что Хелен искренне хочет выйти за него замуж, ее поведение казалось ему непредсказуемым. Эта девушка словно не от мира сего: слишком мягкая, податливая, уступчивая и наивная. Родственники могли спрятать ее от него, отослать в дальние края.

Покинув спальню, Риз прошел в кабинет и позвонил лакею и, пока тот поднимался, успел написать несколько строчек своей секретарше и запечатать.

– Какие будут приказания, мистер Уинтерборн? – спросил с порога молодой лакей, предприимчивый малый по имени Джордж, хорошо обученный и с отличными рекомендациями, которые дала ему одна аристократическая лондонская семья.

– Джордж, отнеси эту записку миссис Фернсби и дождись, пока она соберет все, что там указано. Затем принесешь эти вещи сюда. На все про все полчаса.

– Слушаюсь, мистер Уинтерборн!

Лакей исчез в мгновение ока. Ни для кого не было секретом как в доме, так и в магазине, что хозяин привык, чтобы его приказания выполнялись быстро и точно, без самодеятельности. К тому времени, когда все необходимые вещи были в кремовых коробках доставлены Ризу, для Хелен уже приготовили ванну, а он собрал ее разбросанную одежду и гребни.

Как ни жаль было ее будить, но пора. Риз сел на край матраса и погладил Хелен по щеке. Наблюдая, как она приходит в себя, он почувствовал такой прилив нежности, что стало почти больно. Хелен открыла глаза и огляделась вокруг, недоумевая, почему здесь находится, а рядом еще и Риз сидит. Вспомнив, что произошло, она с опаской на него посмотрела, и, к радости Риза, на ее губах появилась застенчивая улыбка. Он притянул ее к себе и поцеловал, поглаживая обнаженную спину. По коже Хелен побежали мурашки.

– Хочешь принять ванну?

– А можно? – неуверенно прошептала Хелен.

– Она готова.

Он потянулся за своим халатом-кимоно, который лежал в изножье кровати. Хелен выскользнула из постели, и Риз накинул его ей на плечи, затянул пояс на узенькой талии и закатал рукава, а вот с длиной ничего не поделаешь – халат волочился по полу.

– Не надо стесняться. Будь моя воля, я бы вообще запретил тебе одеваться.

– Не надо так шутить, – смутилась Хелен.

– А кто сказал, что я шучу?

Риз улыбнулся и опять поцеловал ее, а потом, взяв за руку, повел в ванную. Стены в помещении были выложены белой ониксовой плиткой. Здесь стояла огромная французская ванна, рядом с ней в стену был встроен шкафчик со стеклянными дверцами, в котором лежали стопки белых полотенец, а с другой стороны ванны стоял небольшой столик.

– Мне тут кое-что прислали из магазина, – сообщил Риз, кивнув на столик.

Хелен с удивлением увидела заколки, набор черных гребней, расческу с ручкой, украшенной эмалью, несколько фигурных кусков мыла, завернутых в бумагу с ручной росписью, и набор ароматических масел.

– Как ты без горничной? – спросил Риз, наблюдая, как Хелен старательно закалывает волосы.

– Ничего, я справлюсь, – ответила Хелен, но когда взглянула на высокие борта ванны, на ее щеках выступил легкий румянец. – Мне, пожалуй, понадобится помощь, чтобы войти в ванну и выйти из нее.

– Я в твоем распоряжении, – с готовностью заявил Риз.

Щеки Хелен еще больше раскраснелись. Отвернувшись, она развязала пояс, и халат соскользнул с ее плеч. Риз подхватил его и перекинул через руку. У него перехватило дыхание, когда он увидел идеальной формы спину Хелен и упругие

округлые ягодицы.

Его пальцы дрожали от желания прикоснуться к ней. Она оперлась на его руку и с грацией кошки вошла в ванну. Опустившись в воду, Хелен поморщилась, почувствовав жжение в натруженной промежности, и Риз встревожился.

– Тебе все еще больно?

– Да, немного. – Ее ресницы дрогнули. – Дай мне, пожалуйста, мыло.

Завороженный мерцанием ее розового тела под толщей воды, Риз развернул кусок медового мыла и протянул ей вместе с губкой.

– Мне стало легче после того как мы пришли к соглашению, – призналась Хелен.

Пока она мылась, Риз уселся в кресло красного дерева и с небрежным видом заметил:

– Нам надо кое-что обсудить. Пока ты спала, я обдумал ситуацию и пересмотрел наше соглашение. Видишь ли… – Он осекся, увидев, как она побледнела, какими огромными стали ее глаза. Догадавшись, о чем Хелен подумала, он быстро подошел к ней и опустился на колени рядом с ванной. – Нет, дело не в этом… – Он обнял ее, не обращая внимания на то, что намочил рукава рубашки и жилет. – Ты моя навеки, а я только твой. Я бы никогда… Господи, не смотри на меня так. – Риз покрыл поцелуями ее мокрое лицо. – Я хотел сказать, что не могу долго ждать. Мы должны немедленно отправиться в Гретна-Грин. Мне следовало сказать об этом в самом начале, но я плохо соображал во время нашего первого серьезного разговора.

Он припал к ее губам и не прерывал поцелуя до тех пор, пока не почувствовал, что напряжение у нее спадает.

Хелен откинула голову и посмотрела ему в глаза.

– Что, прямо сегодня?

Капельки воды блестели на ее лбу и щеках.

– Да. Тебе не о чем беспокоиться, я приму необходимые меры и все приготовлю. Миссис Фернсби соберет вещи. Мы поедем в Шотландию в частном вагоне. Там есть спальное купе с большой кроватью…

– Риз, – остановила его Хелен и, коснувшись пахнущими мылом пальцами его губ, глубоко вздохнула, чтобы успокоиться. – Нет никакой необходимости менять наши планы, ведь все осталось по-прежнему.

– Скорее наоборот: изменилось все, – возразил Риз и, тут же смягчив тон, добавил: – Мы уедем сегодня же. Так будет гораздо лучше. Наш отъезд решит множество проблем.

Хелен покачала головой.

– Я не могу оставить близняшек одних в Лондоне.

– В вашем доме множество слуг, так что есть кому приглядеть за твоими сестрами. Кроме того, скоро вернется Тренир.

– Да, завтра, но их даже на час нельзя оставлять без присмотра. Ты же знаешь, какие они!

Пандора и Кассандра были действительно совершенно неуправляемыми, и Риз знал об этом. К тому же обладали буйным воображением. Выросшие в тихом поместье в Гэмпшире, девушки считали Лондон гигантской игровой площадкой, где можно было шалить, наслаждаясь жизнью. Они не имели ни малейшего представления об опасностях, которые могли подстерегать их в большом городе.

– Мы возьмем их с собой, – с видимой неохотой произнес Риз.

Хелен подняла брови.

– В таком случае Девон и Кэтлин, вернувшись из Гэмпшира, решат, что ты похитил трех сестер Рейвенел.

– Поверь мне, я верну им близняшек при первой же возможности.

– Я не понимаю, зачем нам бежать. Теперь ведь никто не станет препятствовать нашей свадьбе.

Пар поднимался от воды и капельки влаги блестящей вуалью ложились на ее светлую кожу. Риз невольно следил за мыльными пузырями, которые лениво скользнули по ее груди и остановились на розовом соске. Не в силах сопротивляться, он протянул руку и смахнул большим пальцем пену. От его прикосновения ее мягкий сосок тут же сжался в твердый бутон.

– У нас, возможно, будет ребенок, – сказал Риз.

– Ребенок? – удивленно переспросила Хелен, сжимая в руке губку.

– Мы узнаем об этом, если у тебя прекратятся месячные.

Она снова намылила губку и продолжила мыться.

– Если это случится, возможно, нам действительно придется бежать. А пока…

– Нет, мы должны уехать немедленно, – стоял на своем Риз, – чтобы избежать любого намека на скандал.

Промокшие жилет и рубашка стали липкими и холодными. Риз встал и начал расстегивать одежду.

– Я не хочу давать пищу для сплетен. Речь идет о моем наследнике.

– Побег вызовет такой же скандал, как и появление ребенка раньше срока. Кроме того, наше бегство даст моим родным повод не доверять тебе. Они могут воспротивиться нашему браку.

Риз бросил на нее печальный взгляд.

– Я бы не хотела их раздражать, – добавила Хелен.

Риз отбросил жилет в сторону, и он шлепнулся на пол, как мокрая тряпка.

– Их чувства не имеют для меня никакого значения.

– А мои?

– Твои для меня, конечно, важны, – согласился Риз, расстегивая манжеты рубашки.

– Я бы хотела, чтобы у нас была пышная свадьба. А для этого нужна долгая подготовка. Это дало бы время всем, включая меня, свыкнуться с ситуацией.

– Для меня это не проблема. Я уже свыкся.

Хелен едва сдержала улыбку.

– У тебя другой темп жизни. Не каждый выдержит его. Будь, пожалуйста, терпеливей.

– Зачем? Я считаю, что нет необходимости медлить.

– А я считаю, что есть, – не сдавалась Хелен. – Мне кажется, ты тоже мечтаешь о пышной свадьбе, но не хочешь в этом признаться.

– Мне совершенно безразлично, будем ли мы венчаться в церкви, оформим брак в Регистрационном бюро или нас поженит шаман с оленьими рогами где-нибудь в дебрях Северного Уэльса. Я хочу, чтобы ты стала моей как можно скорее, и точка.

Глаза Хелен расширились от любопытства. Ей хотелось расспросить его о шаманах с оленьими рогами, но она сдержалась.

– Я бы предпочла венчаться в церкви.

Риз медленно расстегивал рубашку, виня себя в сложившейся ситуации и проклиная свою гордость и честолюбие. Из-за них ему теперь придется долго

ждать, пока Хелен станет его женой, а до свадьбы он не сможет проводить с ней в постели каждую ночь.

Хелен долго смотрела на него, прежде чем прервать молчание.

– Очень важно, чтобы ты сдержал свои обещания.

Риз, кипя от досады, стянул с себя мокрую рубашку. Хелен оказалась не такой уступчивой, как он предполагал.

– Мы поженимся через шесть недель, и ни днем позже!

– Этого времени может не хватить на подготовку к свадьбе, – возразила Хелен. – Даже если бы у меня были неограниченные ресурсы, мне потребовалось бы гораздо больше времени, чтобы составить план, сделать заказы, сшить наряд, организовать поставку продуктов.

– Не забывай, что я обладаю значительными возможностями, – напомнил Риз. – Все, чего бы ты ни пожелала, будет доставлено быстрее, чем крыса взберется по водосточной трубе.

– Не все так просто, Риз. Еще не прошло и года со дня смерти моего брата Тео. Мы снимем траур только в начале июня. Из уважения к его памяти я бы хотела, чтобы ты подождал со свадьбой до тех пор.

Риз с недоумением уставился на нее. Его мозг лихорадочно работал. Мысль, что ему придется ждать до июня, повергла его в шок.

– Ты хочешь, чтобы я ждал целых пять месяцев? – воскликнул он наконец, когда к нему вернулся дар речи.

Хелен с невозмутимым видом пожала плечами.

– Почему бы и нет?

Риз привык, что все его желания выполнялись сразу же и безоговорочно, и теперь испытывал сильный внутренний дискомфорт.

– Мы же изначально так и планировали, – напомнила Хелен, – когда обручались.

Риз не понимал, почему тогда согласился на это и как отсрочка свадьбы могла показаться ему разумной. Возможно, он был в таком восторге от перспективы жениться на Хелен Рейвенел, что не стал придираться к дате свадьбы. Но теперь ему было страшно даже представить, что придется ждать долгих пять месяцев. Это же настоящая пытка для него!

– Твоему брату все равно, выйдешь ты замуж до окончания траура или после, – сказал Риз. – Он наверняка был бы рад, что ты нашла себе мужа.

– Тео был моим единственным братом. Из уважения к его памяти я бы хотела носить траур в течение года, если это возможно.

– Это невозможно, – отрезал Риз. – Для меня во всяком случае.

Она бросила на него вопросительный взгляд. Риз наклонился к ней, ухватившись за края ванны.

– Хелен, мужчине нужна… – Он осекся и заговорил медленно, подбирая слова: – Если потребности мужчины не удовлетворены… – Риз опять замолчал. На его смуглом лице выступила испарина. – Я не смогу так долго обходиться без тебя. Черт побери! Если мужчина не может удовлетворить свои потребности, это скверно сказывается на его здоровье и характере. Ты это понимаешь?

Она озадаченно покачала головой.

– Хелен, – как неразумному ребенку, стал объяснять Риз, – я лишился целомудрия в двенадцать лет. Если сейчас начну жить как монах, то кого-нибудь убью, или сопьюсь.

– А о чем ты думал, когда мы обручались? Как планировал поступить? О, понимаю… ты намеревался спать с другими женщинами, пока мы не поженимся!

– Я не думал об этом.

Тогда Риз действительно не исключал связи с любовницами до свадьбы, но теперь ему было страшно подумать, что он может заменить Хелен кем-то другим. Это было бы отвратительно! Черт побери, что с ним происходит?

– Я хочу только тебя. Мы крепко связаны друг с другом, – признался Риз.

Взгляд Хелен скользнул по его обнаженному торсу, и она покраснела. Риз понял, что вид его полуобнаженного тела ее возбуждает, и у него перехватило дыхание.

– Ты тоже больше не сможешь жить без меня, – заявил он самоуверенно. – Вспоминая наслаждение, которое я тебе доставил, ты будешь мечтать о новых свиданиях.

Хелен отвела глаза в сторону и мягко сказала:

– Прости, но я не могу выйти за тебя замуж, пока ношу траур.

Каким бы мягким ни был ее тон, Риз услышал в нем твердую решимость стоять на своем. За долгие годы торговли он научился распознавать, когда партнер по бизнесу достигал крайней точки и уговоры были бесполезны. Риз понял, что Хелен не уступит ему.

– Я женюсь на тебе через шесть недель, – сказал он, с трудом скрывая отчаяние, – чего бы это мне ни стоило. Скажи, чего ты хочешь, и ты все получишь.

– Боюсь, ты ничем не сможешь меня подкупить, – сказала Хелен и добавила с лукавой улыбкой: – Но ты уже обещал мне рояль.

Глава 6

Элегантная карета без опознавательных знаков остановилась у портика бокового входа в особняк Рейвенелов. После полудня шел дождь и со свистом проносился по улицам Лондона ледяной январский ветер. Во время поездки

Хелен в окно экипажа наблюдала, как горожане, плотнее кутаясь в шерстяные пальто и накидки, бежали под навесы у дверей магазинов и там жались друг к другу, спасаясь от дождя, который усиливался, грозя превратиться в ливень. Мостовые покрывали лужи.

Из особняка на мостовую лился теплый свет сквозь застекленные двустворчатые двери, которые вели прямо в библиотеку Рейвенелов, заполненную тяжелой мягкой мебелью и шкафами красного дерева с тысячами книг. Дрожь радостного предвкушения пробежала по телу Хелен при мысли о возвращении в свой уютный дом.

Риз провел рукой по ее затянутым в перчатки пальцам и слегка сжал их.

– Завтра вечером я заеду к Трениру, чтобы сообщить о возобновлении нашей помолвки.

– Вряд ли это его обрадует, – грустно заметила Хелен.

– Ты права, – согласился Риз, – но я справлюсь.

Хелен опасалась реакции Девона на известие о возобновлении отношений с Ризом, поэтому предложила:

– Может быть, стоит подождать с твоим визитом до послезавтра? Девон и Кэтлин приедут усталыми, им нужно будет отдохнуть с дороги. Я думаю, что они легче воспримут новость о предстоящей свадьбе, если хорошо выспятся. К тому же я могла бы…

В этот момент лакей открыл дверцу кареты, и Хелен замолчала.

– Одну минуту! – резко бросил Риз.

– Слушаюсь, сэр, – сказал лакей и закрыл дверь.

– Продолжай, – попросил Риз, повернувшись к Хелен.

– Я могла бы все объяснить Девону до твоего приезда и попытаться сгладить углы.

Риз мотнул головой.

– Если Девон выйдет из себя, тебе не поздоровится, а я не хочу, чтобы его гнев обрушился на тебя. Позволь я сам с ним разберусь.

– Мой кузен никогда не причинит мне вреда…

– Я знаю, и все же он будет рваться в бой. В этот момент ему должен противостоять я, а не ты. – Риз нежно погладил ее по голове. – Я хочу все уладить к завтрашнему вечеру, ради нас обоих. Я не могу больше ждать. Обещай ничего не говорить о нас до тех пор. И позволь мне во всем разобраться самому.

Его тон не был безапелляционным, скорее в голосе Риза звучала озабоченность, желание защитить.

– Пожалуйста, – проговорил он с некоторой неохотой, словно это слово угрожало задушить его.

Хелен внимательно посмотрела на него и в удовлетворением поняла, что Риз готов взять на себя ответственность за нее, уберечь ее от трудностей.

Поняв, что он ждет ответа, она сказала не без лукавства:

– Ну хорошо, мой рыцарь.

Удивленно моргнув, Риз усадил ее к себе на колени.

– Передразниваешь мой валлийский акцент? Издеваешься надо мной?

– Вовсе нет. – У нее вырвался сдавленный смешок. – Мне нравится твое произношение.

– Правда? – хрипловато уточнил Риз. – В таком случае поцелуй меня.

Их губы встретились. Поняв, что он позволил ей взять инициативу в свои руки, Хелен просунула язык ему в рот. Их поцелуй стал глубоким, страстным, восхитительным. Хелен хотелось, чтобы это длилось целую вечность, чтобы она вот так сидела на его коленях, ощущая под своими пышными юбками его мускулистые бедра. Вцепившись в плечи, она крепче прижалась к нему. Неожиданно Риз прервал поцелуй и не смог удержаться от смеха, когда Хелен принялась ловить ртом воздух.

– Нет, любимая, как бы мне ни нравились твои ласки, мы должны остановиться. – Он прижался лбом к ее лбу. – Иначе я овладею тобой прямо здесь и сейчас.

– А разве здесь это возможно? – озадаченно спросила Хелен.

Риз на мгновение закрыл глаза, как будто его терпение было на исходе.

– Да.

– Но как?

– Не проси меня ничего объяснять, иначе я начну показывать, как это делается, на практике.

Он усадил ее рядом с собой и, наклонившись, постучал в дверцу экипажа. Лакей тут же открыл ее, помог Хелен выйти, и она сразу же направилась к застекленной французской двери, за которой увидела близняшек. Девушки разве что не прыгали от нетерпения.

– Миледи, прикажете отнести это в дом? – спросил лакей.

Хелен взглянула на кремовую, перевязанную узкой атласной лентой коробку, которую он держал, размером с обеденную тарелку. Не трудно было догадаться, что это подарок Риза – шелковые чулки.

– Я сама ее возьму. Спасибо. – Хелен помолчала, вспоминая имя лакея. Джордж, не так ли?

Он улыбнулся ей, открывая дверь.

– Да, миледи.

Как только Хелен вошла в дом, к ней подбежали близняшки и принялись кружить вокруг нее.

– Ты вернулась! – воскликнула Пандора. – Наконец-то! Где ты так долго была? Мы ждали тебя весь день!

– Уже пора пить чай, а тебя все нет! – подхватила Кассандра.

Хелен растерянно улыбнулась, бросив последний взгляд сквозь стекло на отъезжающий экипаж. Близняшкам уже скоро исполнится по двадцать лет, но выглядели они и чувствовали себя намного моложе. Девушки выросли в атмосфере полной свободы, над ними не было авторитетов. Они бегали по загородному поместью и сами придумывали себе развлечения. Их родители проводили бо`льшую часть времени в Лондоне, вращались в высшем обществе, а дочери оставались на попечении слуг, гувернанток и учителей. Никто не мог и не хотел брать на себя ответственность за их воспитание.

Пандора и Кассандра были очень резвыми, но в то же время добрыми и ласковыми девушками. Длинноногие, пышущие здоровьем, они походили на античных богинь. Пандора обладала красивой гривой темных непокорных волос, которые вечно выбивались из прически, как будто она только что бегала по лесу. Златовласая Кассандра была более уступчивой и романтичной натурой, склонной подчиняться правилам.

– Что случилось? – спросила Кассандра. – Как прошла встреча с Уинтерборном?

Хелен поставила кремовую коробку на столик, стянула черную перчатку и показала сестрам левую руку. Близняшки ахнули, широко раскрыв глаза от удивления. Лунный камень, казалось, светился изнутри, переливаясь зеленым, синим и серебряным.

– Новое кольцо, – констатировала Пандора.

– Новая помолвка, – поправила ее Хелен.

– Но тот же жених, – заметила Кассандра, и Хелен рассмеялась:

– Да, тот же самый. Как видите, я не просто ходила за покупками.

Ее слова вызвали новый всплеск энтузиазма, близняшки безудержно кричали и прыгали вокруг старшей сестры. Поняв, что пытаться усмирить их бесполезно, Хелен сдалась. Заметив боковым зрением движение в дверях, она повернула голову и увидела, что экономка с немым вопросом в глазах ждет на пороге ее распоряжений. Хелен, просияв, кивнула ей, и миссис Эббот, вздохнув с явным облегчением, спросила:

– Могу я взять ваши вещи, леди Хелен?

Отдав ей шляпу и перчатки, хозяйка тихо сказала:

– Вы и другие слуги не должны беспокоиться о последствиях моей прогулки. Я возьму всю вину на себя. Все, о чем я прошу, – это чтобы прислуга воздержалась от разговоров с лордом Трениром, когда он вернется домой.

– Все слуги будут держать язык за зубами, миледи, – пообещала экономка.

– Спасибо! – поблагодарила Хелен, тронутая ее заботой, и в порыве чувств погладила миссис Эббот по плечу. – Я так счастлива, вы и представить себе не можете!

– Вы, как никто другой, заслуживаете счастья, миледи, – мягко заметила добрая женщина. – Надеюсь, мистер Уинтерборн окажется достойным человеком.

Экономка удалилась, и Хелен вернулась к сестрам. Устроившись на обитом кожей диване, они не сводили с нее глаз.

– Расскажи нам обо всем подробно, – потребовала Кассандра. – Мистер Уинтерборн был в расстроенных чувствах, когда ты вошла? Или рассердился?

– Скажи, он был сконфужен? – вмешалась Пандора, обожавшая заковыристые словечки.

– Да, по правде говоря, он был ужасно смущен, но после того, как я убедила его, что хочу стать его женой, обрадовался.

– Вы целовались? – испытующей посмотрела на нее Кассандра. – В губы?

Хелен помедлила с ответом, а потом кивнула, и сестры взвизгнули: одна – от возбуждения, а другая – от брезгливости.

– О, какая ты счастливая, Хелен! – воскликнула Кассандра.

– Я так не считаю, – заявила Пандора, наморщив носик. – Ты только представь, что к твоим губам прикасается какой-то мужчина. А что, если у него плохо пахнет изо рта или за щекой комок жевательного табака? Или в бороде крошки?

– У Уинтерборна нет бороды, – заметила Кассандра. – И он не жует табак.

– И все-таки это мерзость – целоваться в губы, – передернулась Пандора.

Кассандра в сомнении посмотрела на Хелен.

– Тебе было неприятно?

– Вовсе нет, – ответила та, покраснев от смущения.

– Как все было?

– Мистер Уинтерборн обхватил мое лицо ладонями… Его губы были теплыми и мягкими, а дыхание – свежим, пахнувшим перечной мятой. Это было прекрасно.

Кассандра с мечтательным видом подтянула колени к груди, обхватила руками и заявила:

– Я хочу, чтобы и меня тоже кто-нибудь поцеловал.

– А вот я вряд ли, – сказала Пандора. – Я могу придумать сотню более приятных занятий, чем поцелуи. Например, на мой взгляд, куда приятнее украшать елку к Рождеству, гладить собак, намазывать масло на пышки. А еще я люблю, когда мне чешут спину в том месте, до которого я не могу дотянуться…

– Как ты можешь судить о поцелуях, если еще ни разу не целовалась? – возмутилась Кассандра. – Возможно, тебе это понравится – ведь Хелен же понравилось!

– Хелен нравится брюссельская капуста. Как можно доверять ее вкусам? – возразила Пандора и продолжила, бросив на старшую сестру проницательный взгляд: – Не волнуйся, мы ничего не скажем Девону и Кэтлин: мы умеем хранить секреты, – но все слуги знают, что ты куда-то ездила.

– Миссис Эббот обещала, что они будут молчать.

Пандора криво усмехнулась.

– Вот так всегда: все готовы хранить секреты Хелен, а нас вечно выводят на чистую воду.

– Потому что Хелен, в отличие от нас, никогда не ведет себя как взбалмошная девчонка.

– Боюсь, что сегодня я себя именно так и вела, – вырвалось у Хелен.

Она тут же пожалела о своих словах, но было поздно. Пандора взглянула на нее с живым интересом.

– Что ты имеешь в виду?

Решив, что сейчас не помешает отвлекающий маневр, Хелен взяла со столика кремовую коробку и протянула сестрам.

– Откройте.

Сев в кресло, она с улыбкой наблюдала, как близняшки развязывали ленту и поднимали крышку. Внутри, как конфеты, уложенные в три ряда, лежали шелковые чулки: розовые, желтые, белые, кремовые, лиловые – все с эластичными кружевными резинками и вышитыми подвязками…

– Здесь двенадцать пар, – сказала Хелен, наслаждаясь благоговейным выражением на лицах сестер. – Мы разделим их поровну.

– О, они такие красивые! – Кассандра одним пальцем коснулась крошечных вышитых незабудок, окаймлявших кружевные подвязки. – Можно мы наденем их прямо сейчас?

– Только запомните: их никто не должен видеть, – предупредила Хелен.

– Да, такой подарок стоит поцелуя в губы, – заметила Пандора. Пересчитав чулки, она вопросительно посмотрела на Хелен. – Но их здесь одиннадцать, а не двенадцать.

Не в силах что-либо придумать, Элен была вынуждена признаться:

– Одна пара уже на мне.

Пандора задумчиво посмотрела на старшую сестру и усмехнулась:

– Да, похоже, ты действительно вела себя сегодня не лучшим образом.

Глава 7

Первое, что увидел Риз, проснувшись на следующее утро в своей постели, был темный хлопчатобумажный чулок, лежавший на белых простынях. Он намеренно оставил его рядом с подушкой, чтобы все произошедшее накануне не казалось ему сном. Риз взял чулок, и в его памяти тут же возник соблазнительный образ Хелен: сначала лежащей в его постели, потом – принимающей ванну…

Прежде чем отвезти домой, он поставил Хелен перед камином и, выбрав пару новых чулок из кремовой коробки, присланной из магазина, опустился на колени и натянул их на ее стройные ноги, закрепив кружевные резинки эластичными атласными подвязками, с крошечными вышитыми розочками. Не удержавшись, он прижался лицом к ее бедрам. От Хелен пахло цветочным мылом после ванны. Она ахнула, когда он обхватил ладонями ее голые ягодицы и принялся лизать еще влажные завитки.

– Пожалуйста, не надо, – взмолилась Хелен. – Я сейчас упаду.

Риз неохотно разжал объятия и подал любимой панталоны, сшитые из такого тонкого шелка, что их можно было продеть через обручальное кольцо. Затем Хелен надела сорочку, отделанную кружевами ручной работы, тонкими, как паутинка. Риз приготовил для нее новый, улучшенной формы корсет, но она отказалась от него, объяснив, что он не подходит к ее старомодным платьям.

Слой за слоем на Хелен, к недовольству Риза, становилось все больше одежды. В довершение всего она облачилась в свое черное траурное платье, которое его безумно раздражало. Он утешал себя лишь тем, что под ним дорогое красивое белье – его подарок.

Перекатившись на спину, Риз рассеянно помял в руках безобразный заштопанный чулок и вдруг вспомнил, что Хелен хотела перенести свадьбу на пять месяцев. Его так и подмывало похитить ее и увезти в Шотландию. Во время путешествия в частном вагоне поезда они могли бы всю дорогу заниматься любовью… Впрочем, такое начало семейной жизни вряд ли можно было бы назвать хорошим.

Сегодня вечером он собирался отправиться в особняк Рейвенелов и официально попросить у Девона руки Хелен. Девон, конечно, не даст согласия на этот брак, и тогда у Риза не будет другого выхода, кроме как признаться, что он обесчестил Хелен. Услышав это признание, Девон скорее всего набросится на него как дикий вепрь. Риз не сомневался в своей способности дать отпор, но любой разумный человек на его месте постарался бы избежать драки с разъяренным Рейвенелом.

Риз вспомнил, как Хелен рассказывала, каким образом Девон добивался получения права на добычу полезных ископаемых на своих землях площадью

двадцать тысяч акров. Участок, о котором шла речь, незадолго до этого был сдан в аренду их общему другу Тому Северину, железнодорожному магнату, который намеревался построить там железную дорогу.

Риз решил навестить сегодня Северина, чтобы узнать больше о сложившейся ситуации. Еще раз взглянув на чулок и вспомнив о губах Хелен, раскрывавшихся для его поцелуев, о светлых прядях, которые он наматывал на пальцы, об интимной плоти, сжимавшейся так, словно она жадно поглощала каждый дюйм его тела, его бросило в дрожь.

В порыве внезапно охватившей его страсти Риз подумал, что, возможно, все же похитит Хелен. Во всяком случае, такого развития событий исключать нельзя.

Риз заехал к Северину в контору, и приятели отправились пообедать в местную закусочную. Они часто посещали подобные заведения, поскольку обед в ресторане в середине рабочего дня – это слишком долго, а закусочные можно найти в каждом квартале Лондона. Такие заведения посещали как состоятельные джентльмены, так и простые рабочие. Здесь можно было заказать тарелку ветчины или говядины, крабов под соусом или салат из омаров и покончить с едой за полчаса. Впрочем, перекусить можно было и прямо на улице, где стояли прилавки с едой и торговцы предлагали вареные яйца, сандвичи с ветчиной, пудинги, горячий зеленый горошек, но это было сомнительное предприятие, поскольку никто не мог гарантировать свежести и доброкачественности продуктов.

Приятели сели за угловой столик и заказали жареную рыбу и две кружки эля. Риз не знал, как начать разговор о земле Девона Рейвенела, но тут Северин сам пришел ему на помощь.

– Гематитовая руда, – внезапно сказал он прежде, чем Риз успел произнести хоть слово, и улыбнулся в ответ на вопросительный взгляд приятеля. – Полагаю, вы собирались спросить меня о полезных ископаемых, обнаруженных на земле Тренира. Все в Лондоне пытаются это выяснить.

Фразу «горе от ума» часто применяют к тем, кто этого не заслуживает. Том Северин, пожалуй, был единственным в окружении Риза, которому ум действительно приносил лишь неприятности. Северин хоть и казался рассеянным, часто витал в облаках, во время беседы или деловой встречи,

случалось, говорил невпопад, но позже мог вспомнить каждую деталь с почти идеальной точностью. Он был умен, красноречив, уверен в своем остром как бритва интеллекте и часто подсмеивался над собой. Ризу, воспитанному в строгости, нравились люди с манерами Северина. Риз и Северин принадлежали к одному поколению, происходили из одной социальной среды и оба с рвением стремились к успеху. Главное различие между ними заключалось в том, что Северин имел хорошее образование, но Риз никогда не завидовал ему. В бизнесе интуиция так же важна, как и интеллект, а иногда даже больше. В то время как Северин опирался на знания, Риз доверял своему чутью.

– Тренир нашел на своей земле гематитовую руду? Велика важность! Это очень распространенное полезное ископаемое, не так ли? Где его только нет!

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/kleypas_liza/v-ob-yatiyah-strasti

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить